Над Канадой небо синее…

Автор:
Комбат Найтов

Над Канадой небо синее…

Комбат Найтов

Военная фантастика (АСТ)Оружейник #2

Герои «Оружейника» – Святослав и Татьяна – ворвались в неспешный и мрачный мир позднего Средневековья со знаниями и умениями конца XX – начала XXI веков. Привыкшие жить в совсем другом ритме, они отчаянно нуждались в последователях, так как невозможно построить новую империю вдвоем. Жизнь человеческая хрупка, как прутик, но если из тоненьких прутиков сделать метлу и скрепить ее прочной обвязкой, то подобным инструментом можно вымести дурман теологии, средневековых предрассудков, создать надежную систему хранения государственных секретов. Нарушив основной закон обучения: от простого к сложному, можно надолго заблокировать развитие науки и технологии в остальной части земного шара. Ведь невозможно скопировать протонообменную мембрану ученым XVII века. Для этого необходимы знания XXI века и всех предыдущих. А так как она существует и работает в одной стране, то об этот «черный ящик» будут биться лучшие мозги «западных партнеров» без какого-либо успеха.

Империя, созданная на берегах Балтики и Ладоги, через некоторое время раскинулась по всем континентам. Подрос наследник, и у него, естественно, возникли вопросы о природе могущества Выборга. Пришло и его время узнать тайну мироздания.

Комбат Найтов

Над Канадой небо синее…

Выпуск 122

Выпуск произведения без разрешения издательства читается противоправным и преследуется по закону

© Комбат Найтов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Анастасия

Мать умерла почти сразу после моего рождения, отца убили свеи, и я жила со вдовой бабушкой, матерью моего отца, в маленьком селе Пайлаа. Бабушка отличалась от многих отменным здоровьем и почти мужицкой силой. Она у меня новгородская: мой дед, который умер, когда мне было шесть лет, привез ее из Новгорода, куда ходил с обозом. Крепкий и хозяйственный, он построил себе новый дом с отдельным хлевом, огородился забором. В доме и во дворе всегда был порядок, но все это он сделал для своей ненаглядной Миленочки, которая и хозяйствовала дома. Детей у них было много, и все сыновья. Вот только когда Московия проиграла войну и там началась Великая Смута, к нам пришли свеи. Они забрали из села большинство мужчин, в том числе и всех сыновей моего деда. А отца, который не хотел идти служить шведам, ведь жена была на сносях, они убили. Я еще не родилась, и «не нашлось» повода для отсрочки.

После смерти деда бабушка сказала, что я теперь взрослая и должна во всем ей помогать, потому что все мы осиротели и поле пахать стало некому. Поэтому жить придется только скотиной и тем, что есть на дворе. Я пасла наших коров, коз и гусей. Гусей я боялась, они были злыми, постоянно шипели на меня, мне казалось, что они меня не любят за что-то, но однажды на нашу корову на выпасе, она была с теленком, напал волк. Я бросилась с палкой на него, а гуси, вместо того чтобы улететь, кинулись вместе со мной на зверя, и мы отогнали его от теляти. Тогда я поняла, что просто у гусей такой характер – независимый. Не любят они, когда их прутиком загоняют в птичник.

Длинными зимними вечерами, под бабушкины рассказки и песни, мы пряли козий пух и бабушка учила меня работать спицами, ткать шерстяное полотно, пользоваться иголкой и ниткой. Мы дубили козью кожу настоем дубовой коры, делали черевички, шубки. Этим и жили до того момента, когда на проране завелся леший. Настоящий! Он вошел в гастхофф к Порфирию и убил всех свейских грёнников, которые поселились в нашем селе за три года до того и начали строить казарму и костел.

Леший был весь лохматый, страшный, фигура бесформенная. Убив всех солдат и свейского графа, которому стала принадлежать деревня, он удалился в сторону прорана. По деревне поползли слухи, все боялись, что свеи пришлют войско и нас всех повесят как бунтовщиков, ведь в появление лешего никто из них не поверит. Всем селом похоронили больше двадцати убитых и стали собирать откупное: если свеи придут и обвинят село в том, что убили их солдат, то только откупом можно очиститься от этого греха. Так говорил Порфирий, в гастхоффе которого все и произошло. Но по приказу лешего он собрал все доспехи и сложил их в сарае за своим домом. Я слышала, как Порфирий говорил мужикам, что Леший вовсе не леший, а человек, говорящий на языке, который немного похож на русский. И что он, Порфирий, боится этого человека больше, чем шведов.

А вечерами с прорана в тихую погоду стали доноситься удары металла о камень. Похоже стало, что Леший решил поселиться в этой неудобице. Старшие категорически запретили детям даже приближаться к проклятому месту. Мы их послушались и вечерами наблюдали какие-то синие вспышки в той стороне, когда сидели у причала.

И вот однажды на озере появился странный косой парус и две связанные между собой лодки. Между ними стояла мачта, и все это сооружение быстро катилось по волнам к причалу. Было и страшно, и очень интересно! Многие из детей убежали с криком: «Леший вернулся!» Взрослых не было видно, они по домам попрятались. Лохматая фигура убрала парус и выпрыгнула на причал. Остановила и ошвартовала лодку и подала руку необычайно красивой женщине, темноволосой, в богатой накидке из белого короткого меха какого-то заморского зверя. На ней было длинное, обильно украшенное венецианским бисером, дорогое платье, княжеский кокошник, кинжал в золотых ножнах. Ее сопровождало шесть собак с лысыми головами и хвостами, одетых в смешные пятнистые, как у Лешего, костюмы. Было видно, что собаки боевые и очень злобные. Леший и боярыня с трудом удерживали их. Леший не надел накидку на

голову, и, действительно, голова у него была человеческой. И руки. Порфирий рассказывал, что руки у чудища были лохматые. Сейчас у него на руках перчатки с какими-то нашлепками. За спиной – лохматое оружие. На голове узкая полоска пятнистого материала. Лицо довольно молодое, безбородое. Небольшие усы и очень внимательные глаза. Он был красив, несмотря на странную одежду.

Они прошли к Порфирию, немного постояли у него во дворе, в дом не заходили. Мы же облепили забор и во все глаза рассматривали барыню и Лешего. Они говорили на понятном, но немного странном языке. Леший хлопнул Порфирия по плечу, и они вернулись на причал. Их странная лодка через некоторое время растаяла в вечернем мареве за островом.

Порфирий приуныл: свеи уже высадились у Питкяранты, а у Лешего дружины не было. Он раскричался, чтобы все тащили к нему все что есть, будем откупать свои жизни. Но в середине следующего дня из Лоймаа, деревни на берегу другого озера, входящего в наш удел, прискакал посыльный, дескать, Леший побил большой отряд свеев у переправы и надо собрать трофеи. Мужики быстренько собрались, иначе все достанется лойманчанам, и поскакали туда. Меня бабушка не отпустила посмотреть, и я весь день ждала возвращения Лешего. Он вернулся на лошади, с большим обозом, и мужики шести сел присягнули ему на верность. Так у нас появился новый хозяин, а к Корочуну приехала опять барыня, и они поселились в новом каменном доме, который мужики быстро построили, используя начатую свейскую казарму.

Боярыня прямо в каменном доме открыла школу, и бабушка разрешила мне записаться туда, тем более что там кормили бесплатно тех, кто хорошо учится. Поэтому бабушка очень строго следила за тем, чтобы я не забывала выучить заданное на дом, приговаривая, что она сама грамотна была, вот только на селе малость подзабыла грамоту, но сумела прочесть первые строчки, которые я изобразила через некоторое время. Она же сказала остальным, что ничему плохому барыня не учит.

И тут новые происшествия! Леший сначала разбил с боярыней вдвоем большой конный отряд свеев и валаамских, а потом свейский бог посадил его в Выборге, где он побил весь гарнизон на льду залива. Лешего стали звать «князь Святослав Первый Выборгский». Но он лишь иногда ездил в Выборг на своих самобеглых санях, а так жил в большом или малом доме, что на проране, и что-то строил.

Мужики наши очень любили с ним работать, так как князь всегда платил за это. Зимой была построена самая страшная штуковина, которую потом все использовали для того, чтобы пугать ею детей. Она жутко шумела и распускала бревна на доски. Сама! Требовалось только накатить бревно на нее. В середине машины были упоры, которые убирались под самим бревном, а крайний из них начинал толкать его вперед, туда, где были пилы. Раздавался звонкий звук, и на выходе получалась необрезанная доска, ее раскладывали два человека, и доска ползла дальше. От нее отпиливали небольшие кусочки и все складывали в одинаковые и красивые пакеты. Все щепочки собирали мальчишки и девчонки и складывали их в какой-то генератор. Мастер Матвей, которого князь поставил руководить этой машиной, в конце дня давал тем, кто собирал опилки и обрезки, четверть копейки, и у него не было отбоя от желающих таким образом заработать. Но тут появилась княгиня и установила, что те, кто получил двойку в школе, не имеет права подрабатывать на лесопилке. Они должны были идти домой и делать уроки. Я была отличницей и всегда успевала поработать у машины, за что и получала от бабушки поцелуй и вкусный пирожок.

Еще более интересные дела происходили в кузнице! Этот самый генератор производил уголь и какой-то газ. А про князя говорили, что он кузнец от бога, что сам Сварог учил его делать оружие и железо. Я могла часами наблюдать, как из-под его молота, а он у него не ручной, а ножной, им князь ногой управлял, выходили клинки, серпы, косы, лопаты. Красно-белый кусок металла менял форму, брызгался искрами, плющился и становился вещью или оружием. Говорили, что князь владеет секретом булатной стали, и его ножи славились на всю округу. Но свои секреты он не берег, а учил и учил людей вокруг своему мастерству.

Весной он привез на корабле, построенном за зиму, новых коров, овец и сделал четыре трактора. Я была первой, кого он прокатил на этой машине, и он дал мне подержаться за руль. Правда, это княгиня Татьяна установила очередность.

И у нас появилась новая корова! С нею в дом вернулся достаток. Корова давала полтора ведра молока утром и столько же вечером. Хозяйка забирала его на сыроваренный завод и хорошо платила за это. Летом мы все работали на покосах, и большую часть работ уже выполняли тракторы, мы же собирали за ними вручную то, что они не смогли подобрать.

Так продолжалось до осени, и в конце года, на празднике урожая и Нового года, княгиня спросила у бабушки разрешения взять меня к себе в работницы. Княгиня была тяжела, и ей требовалась помощница. Бабушка сказала, что это большая удача для меня, и отпустила меня в княжий дом, где я жила пять дней подряд, а потом у меня было два дня выходных, чтобы могла помогать и бабушке по хозяйству.

Незаметно как-то князь и княгиня заменили мне мать и отца. Затем появился Сашка, княжич Александр, ради которого меня и взяли в дом. Но большую часть времени я проводила в школе. За моей учебой следили, и помимо школы приходилось много читать, считать, делать проекты и расчеты. Как мне говорили, я училась по специализированной программе, и меня готовили поступать в университет. Я, правда, не знала, что это такое, но готовилась к нему очень серьезно.

Через три года ко мне посватался Пройда, но и князь и княгиня отказали ему, сказав, что мне еще рано выходить замуж, так как я не закончила свое образование. Пройда мне не нравился, мне нравился князь, хотя я и понимала, что это абсолютно невозможно. Я – бедная сирота, а он… Он был и для меня, и для остальных пайловчан кем-то вроде бога. Наши мужички даже село, которое стало городом, в Князево переименовали и гордо звались князевскими. Из них, в том числе и из бывших солдат свейской армии, которую еще раз разбил князь, была сформирована гвардия князя, которая полностью освободила Водьскую пятину, и после поражения шведов в битве под Самматти граница со Швецией стала проходить по Порккала-Уддскому рубежу. Гвардейцы считались лучшими женихами, поэтому бабушка сказала, чтобы я рот на князя не разевала и не упускала своего счастья с Федором. Поэтому я не отказывала ему и продолжала иногда с ним встречаться.

На третьем курсе университета, хотя я в тот момент совсем не думала о Федоре, а все мои мысли занимала учеба и князь Святослав, неожиданно мои воспитатели и господа приняли решение не отказывать более Федору и дали согласие на этот брак. Уже было понятно, что княгиня Татьяна старается не держать меня в доме, когда там находится Святослав. Мне даже не предлагали заниматься с Ярославой, младшей дочерью князя и Татьяны, вместо меня у них, а они уже постоянно жили в Выборге и лишь иногда выбирались в Князево, работала другая девушка. Мне говорили, чтобы я ни в коем случае не бросала учебу. Что и княгиня, и князь делают на меня ставку, ждут только окончания мною университета. Пришлось очень тяжело, потому что забеременела я в

брачную ночь, и дочка появилась ровно через сорок недель после свадьбы. После этого князь переговорил с Федором, которого он продолжал называть Пройдой, о том, что у него вполне хватает средств на нянек для дочери, и заговорил о том, что мы оба поедем на другой конец света создавать там поселение, которое должно сыграть важную роль в жизни всего княжества. Тогда я и услышала впервые слово Бретон. А еще через некоторое время, уже от княгини, услышала еще один термин – презерватив.

Нас начали готовить к этому проекту. Все было очень и очень серьезно. С нами обоими работали и князь, и княгиня, и Томас Усселинкс, глава комитета госбезопасности. Последние два года, кроме университета, мне пришлось учиться в разведывательной спецшколе. Меня учили тайнописи, шифрам, стрелять, владеть холодным оружием, нескольким видам борьбы, пользоваться ядами, выживать в тяжелых условиях, нырять, плавать, бегать. Далеко не все предметы были приятными. Некоторые были отвратительны по своей сути, но приходилось обучаться действовать против любых врагов. Добавилось еще два языка: английский и лнуисимк, язык индейцев микмаков. Его преподавал настоящий индеец, которого вывез с острова один из наших кораблей. Он пойдет с нами и будет нашим переводчиком. Сам Усселинкс делает из него «своего» человека. Микмаки имеют письменность и пишут, как и русские, на бересте. Чернил у них нет, используют иглу дикобраза для выдавливания иероглифов. Кроме того, они же используют и петроглифы, то есть наскальные рисунки.

То есть князь заранее готовил две экспедиции – вторая пойдет куда-то южнее. С расчетом надолго закрепиться в этом районе и завоевать симпатии тех людей, которые ныне живут на той земле. Как мне объяснили князь и Усселинкс, нам на некоторое время придется отказаться от ставших привычными в нашем мире электрических приборов. Они составляют государственную тайну Выборга, и пока положение колонии не будет закреплено соответствующими международными договорами, на их территории не могут быть размещены гидроэлектростанции и парогазовые электрогенераторы. Так что жить придется по старинке, при свечах, лучинах, а впоследствии – с использованием газовых рожков.

И вообще про секретность говорили очень много. Проект был разбит на этапы, которым надлежало следовать как азбуке при чтении. Как мне сказали, неисполнение этих условий может поставить жирную точку в конце моей карьеры. Усселинкс мрачно пошутил по этому поводу, что точка, скорее всего,

будет свинцовой. Да я и сама понимала, какую ответственность возлагает на меня князь Святослав. Еще более изумительным было открытие того обстоятельства, что больше всего князь не доверяет Федору – человеку, за которого он выдал меня замуж. Я спросила у него, почему.

– Жаден он. Не столько до денег, сколько до власти. А потому очень опасен. Действовать ты, Настасья Гавриловна, будешь на большом удалении от меня и от центра. Практически полностью самостоятельно. И не всегда будешь иметь возможность даже связаться с нами. Так что держи Пройду в руках. В жестких ежовых рукавицах. Если что-то пойдет не так, как мы с тобой планируем, не останавливайся ни перед чем. Ты поняла? Как это сделать, тебя уже научили. И все необходимое для этого у тебя будет. Как и мое разрешение на такие действия. Ты несешь персональную ответственность за безопасность всего поселения и безопасность нашего княжества. Сам бы пошел, да тут столько дел с этой Москвой налетело, что приходится посылать тебя. Не забывай, в чьем доме ты выросла.

– Я помню, княже, – тихо ответила я, и у меня стали мокрыми глаза, и не только. Невыносимо хотелось кинуться ему на шею и всей принадлежать ему. Но я хорошо помнила тот момент во время спарринга в лесу, когда вместо того, чтобы сопротивляться, меня пробила какая-то дрожь и у меня стало мокро внизу, когда князь скрытно перехватил меня на маршруте. Я его не заметила. Он захватил меня сзади, перебросил через себя и прижал к земле. Тут это и произошло. Он, конечно, заметил случившееся. Отпустил меня, встал и подал мне руку, чтобы поднялась. И заметил:

– Верность – это одно из самых ценных качеств человека. Ею земля полнится. Мы никогда не сможем открыто смотреть в глаза ни друг другу, ни тем людям, с которыми живем. В нашей стране разводов нет.

На подготовку экспедиции ушло долгих три года, и вот мы стоим у причала уже на борту нового крейсера, недавно вернувшегося из Карибского похода. Только что князь и княгиня попрощались с нами и сошли с борта. Они стоят на берегу и прощально машут нам руками. У меня полные глаза слез. Рядом посапывает недовольный Федор, который держит меня под руку. Наша дочь сидит у княгини на руках и не понимает, что я ее очень-очень долго не увижу. На первое время было решено, что она останется в доме у князя. Отданы концы, и прощально звучит ревун, буксир натягивает трос, и корабль медленно отрывается от

причала. Полоска воды становится все шире и шире, и скоро целый океан будет отделять меня от тех людей, с кем я выросла. Становится невыносимо больно в груди. Я что-то кричу и отчаянно машу рукой. Через некоторое время Федор чуть дернул меня за руку.

– Пойдем, они уже ничего не слышат и ушли. Иди, поплачь в каюте.

Тяжелее всего дался именно переход. До этого я никогда не ходила на кораблях, а тут сразу через океан. В море было все нормально, но как только прошли Датские проливы, началась муторная равномерная качка, которая первые несколько дней просто душу всю вынимала. Как люди в таких условиях живут годами? Затем постепенно привыкла к тому, что палуба на месте не стоит, то кренится, то вертикально взлетает или падает. Человек ко всему привыкает, и спустя неделю смогла, наконец, подняться на мостик к лейтенанту Макарову, чтобы выяснить хотя бы, когда будем у цели. Он сочувственно отнесся к моему состоянию, сказал, что всех укачивает поначалу и что мы прошли самый неприятный участок и теперь достаточно быстро придем, если погода не подведет и будет ветер. Из-за сильного встречного ветра ему пришлось подняться к Исландии. На мостике было довольно холодно, и серые валы накатывались от запада. Все было покрыто этими огромными валами. Корабль переваливался через них и довольно резво бежал на юго-запад. Чуть поскрипывали стальные ванты, натруженно гудели желтоватые паруса. Строем клин сзади следовало еще два корабля. Наш крейсер был лидером. Удивительно, но я стала значительно лучше себя чувствовать, когда глаз смог зацепиться за горизонт.

– Сейчас течение нам помогает, Гольфстрим уже левее нашего курса, поэтому ход имеем неплохой. Через трое суток увидим Ньюфаундленд. Вам принести сюда поесть, Анастасия Гавриловна? Я знаю, что вы неделю ничего не ели.

– Давайте попробуем, есть вообще-то хочется.

Вестовой принес закрытый горшочек с тушеным картофелем с говядиной, хлеб и немного кислого красного вина. Никогда не пробовала никаких вин, но тут не устояла против кислого вкуса. Лейтенант на всякий случай послал меня вниз с матросом. После этого я стала чаще выходить на палубу, а не валяться в каюте на постели, и первой увидела темнеющие скалы Ньюфаундленда и острова

Бакалю (Трескового). Оморячилась.

Наконец Андрей Макаров убавил парусов, оставив один кливер, и перешел на машины. Остальным кораблям подан сигнал лечь в дрейф. Мы обогнули Авалон, восточную оконечность Ньюфаундленда, подошли к проливу Кабота. Прямо по курсу довольно высокие горы острова Кейп-Бретон. Слева – плоские изрезанные берега острова Французская Юдоль, или Фрэнчмэйл. Впрочем, на картах этих названий еще нет. Пройдя Низкий мыс, Макаров повернул влево, на вход в залив. Батопорты открыты, орудия вывалены перпендикулярно к борту. Чуть подрабатывая машинами, Андрей аккуратно вошел в залив, к мысу, где тот делится на два рукава.

Недаром индейское название этих островов – Туманная земля. Налетело облако тумана, и пришлось отдать якорь. Вываливаются шлюпки, звучат команды Федора, он командует своими разведчиками, проверяет их вооружение и подгонку экипировки. Они готовятся к высадке. Облако тумана улетело в океан, все, у кого были бинокли, припали к ним. На берегу ни души. Бухта оказалась свободной. В глубине Восточного залива виднелась покосившаяся колокольня церкви. В этих местах европейцы появились в шестнадцатом веке, но создавали лишь сезонные поселения. Сюда приходили ловить рыбу, водившуюся здесь в изобилии. Несколько корабликов у Ньюфаундленда мы видели. Залив Святого Лаврентия на зиму замерзает, и до мая месяца здесь стоит лед. Эта бухта тоже замерзает, но в ней лед подвижный, поэтому он ломал все причалы, построенные из дерева. Плюс зимой Лабрадорское течение приносило сюда много плавучего льда и айсберги. Люди пытались поселиться здесь, но уж слишком неуютным было место, не для европейцев. Берега – каменистые, как у нас в Выборге, но в пяти кабельтовых южнее виден песчаный мыс. Туда и отправляется шлюпка с разведчиками. Еще один катер пошел в Восточный залив, где виднелись постройки. Рядом со мной стоял Сухое Ухо – индеец, который четыре года прожил в Выборге. Он с шумом втягивал воздух, а затем сказал:

– Дыма нет, людей нет, зря пошли, маленькая княжна. – Он почему-то так называл меня давно. Наверное, из-за роста, княгиня и князь были выше меня.

Андрей, который стоял рядом, покачал головой и никаких приказаний не отдал. Мы продолжали наблюдать за обстановкой. Появились разведчики, которые подали сигнал, что этот берег чист, людей нет. После этого дали команду начать выгрузку, а кораблям на рейде подходить ближе. Через час и я вступила на

остров. С крейсера на берег спустили несколько тракторов, которые начали расчищать площадки под палатки и поля. Здесь в километре от берега было пресное озеро, и эти пять гектаров земли по плану должны были стать первыми полями. Обнаружены два небольших болотца, где есть торф.

Подошли еще два судна, с которых высадились невоенные участники экспедиции – строители и девушки. Началась выгрузка сваебойной машины, продовольствия, снаряжения. В первую очередь, после установок палаток, определяем глубины и привязываем к местности и глубинам место для причала. Не слишком приветливое утро с небольшим туманом постепенно превратилось в довольно ясный день. Шум работ перекрыл плеск воды. Потянуло ветерком от леса, там, где находилось озеро Брас д’Ор.

Федор вернулся с северного мыса, он там наблюдательный и опорный пункт собирался строить. На берегу он себя много увереннее чувствует, чем в море. Несколько раздражен, что на мысу земли для обсыпки маловато, но уже оставил там людей, чтобы рыли котлован под форт. Сидит, что-то считает, морщит лоб, сверяет расчеты с тем, что дал ему князь.

– Федя, вернулись твои от де Бьенкура, там тоже чисто, никого нет.

– Да, мне уже доложили. Похоже, что князь прав был, когда говорил, что здесь сплошную линию ставить не к чему и проще обойтись опорниками. Народца здесь совсем нету. Придется конные патрули ставить, а лошадей маловато прихватили в первой партии. Что со спиртом, Настенька? Обеспечим патрулирование на квадроциклах?

– Так дорог же нет, Федя.

– Нету, здесь ничего нету, ну и глушь!

– Вот завтра сходим в Брас д’Ор, узнаем, что и как.

– Без меня, мне и тут забот полон рот. А куда Сухарик подевался?

– Сухое Ухо?

– Ну, да.

– Собрал пирогу и ушел к стойбищу, где оно четыре года назад было. Обещал через три дня вернуться.

– Зачем ты его отпустила? А ну как орду приведет?

– Томас сказал, чтобы я не мешала его передвижениям. А что ты беспокоишься? У нас все вооружены и крейсер с орудиями на товсь стоит.

– Да, по мне, так если все полетит к чертовой матери, то быстрее дома будем. Зря отпустила. Я хотел северными фортами сначала заняться, а придется южные из-за него делать. Ладно, я пошел на юг.

Федор вышел из палатки, кого-то окликнул и с двумя отделениями морпехов зашагал к месту, где работали тракторы.

На следующий день пришлось хоронить французов из фактории в Большом проливе Брас д’Ор на острове Боулардери. О нашей высадке стало известно рыбакам и солдатам форта Дофин. Рыбаки пока спокойно отнеслись к этому обстоятельству. Спросили только, не собираемся ли мы промышлять рыбку. Конечно собираемся, но чуть позже. С этой партией рыбаков почти не прислали, всего один катер, правда, есть три коча, с которых можно тоже ловить рыбу. Нерест сельди еще не начался. Рыбаки пока треской больше занимаются. Из разговоров стало понятно, что их наняла компания «100 акционеров» и не выполнила поставок бочек и соли, рыбаки недовольны, они из Гавра и уйдут туда. В это место ходят давно. Местных акадцев не любят и строчат на них доносы королю. На нас тоже напишут. Так что на будущий год, как и ожидалось, ждем визита королевского флота Франции.

Сухое Ухо вернулся, как обещал, через три дня. Его племени на месте нет, оно откочевало. Ругается, говорит, что бобра много побили, хатки пустыми стоят, но есть надежда, что они вернутся, так как фактория прекратила существование. Из тех, кто там жил, осталось только двое мужчин и четыре женщины, одна из них сошла с ума, заговаривается, все детей своих похоронить пытается. Но достаточно безобидная, а на Руси к таким жалостливо относятся, так что не помрет. Ее подкармливают из общего котла, хотя почти никто не понимает, что

она говорит. После обеда уходит надолго в лес, говорят, ходит к бывшей фактории. Если звери не съедят, значит, жива будет.

В форте Дофине люди тоже болеют, у всех цинга, поэтому раз в неделю хожу туда на катере и смотрю, чтобы выполняли лечение. Большинство пошло на поправку, продуктов им так и не завезли, и когда те у них полностью закончились и не стало, на что покупать их у нас, все французы пришли к нам в Нововыборг. Их привели к присяге, двое отказались ее принимать, просили отвезти их в форт Луисдэл, но у нас туда ничего не ходило, а специально отправлять туда коч было не с руки. Мы еще не закончили работы даже по бетонированию дотов и не закрыли все дзоты. Поэтому пожали плечами и отпустили упрямцев так, пешком. Они пытались уговорить Сухое Ухо отвезти их в Луисдэл, но тот ушел без них искать свое племя. Покрутившись месяца полтора возле стройки и питаясь объедками, упрямцы все же сдались на милость и приняли присягу. Только их опять пришлось в лазарет укладывать. Теперь уже с воспалениями. Собственно, таких упрямых было мало.

С острова Кейп-Бретон постоянно подходили и подъезжали люди. Беда пришла не только в эти два селения. У всех было плохо с продуктами, а патент запрещал производить иные работы кроме указанных в нем. Не все решались нарушить закон, потому что в любой момент могло прийти судно или военный корабль из Франции, и на нем обязательно будут королевские контролеры и оштрафуют владельца патента на кругленькую сумму в два-три годовых заработка.

В начале июля, прямо к нересту сельди, пришло три «Буки» с грузами и завербованными рабочими. К их приезду мы смогли полностью выполнить работы по укрепрайону, кроме обсыпки укреплений, и построить восемь больших казарм и нарезать участки под постройки для тех, кто сразу захочет строить дом. Пока крейсер стоял рядом с городом, у нас было электропитание для пил, а большую лесопилку поставили на берегу пролива де Бьенкур. Вот только течение там переменное, меняется четыре раза в день по направлению. И хотя это мы вроде как учитывали при разработке проекта, все равно лесопилка работала только в половину мощности, да еще и по скользящему графику – в зависимости от приливов и отливов. Но другой реки в этой местности не было. Поэтому через некоторое время, как только заработали на полную мощность газогенераторы, мы начали переводить ее на пар. За что и получили потом хорошенький выговор от князя. Отбояривался Федор, это была его идея, потому что ему требовалось для строительства много досок и брусьев. Но выговор за нарушение плана строительства получила я. Святослав прислал письмо, в

котором прямо указал демонтировать паровую машину лесопилки до отхода крейсера и вывезти ее в Выборг. Впредь запрещает произвольно изменять проект под немедленные нужды. Пришлось ставить назад колесо, работающее от течения приливов, и вводить обратно скользящий график. Впрочем, совсем ненадолго. Начались морозы, и до весны лесопилка встала. Работать в ледовых условиях она не могла.

Из Луисдэла уже по снегу прибыл его комендант капитан де Шатье с солдатами. К этому времени Федор успел закончить даже отсыпку, закрыл траншеи и флеши от снега, чтобы не демаскировать укрепления. С комендантом крепости мы вели разговоры ни о чем, он сразу понял, что взял с собой маловато солдат, чтобы здесь командовать. Официально я выкупила патент, и два острова принадлежали лично мне по французскому законодательству. Господин Луи-ле-Симон де ла Поп Боулардери, который приобрел у французской короны эти острова, проживал на острове и лично подтвердил, что патенты он продал добровольно и с полученной суммы уплатит в казну соответствующую пошлину. А я сказала, что плачу налоги князю Выборгскому и приобрела у законного владельца себе удел. Насколько я в курсе событий, дипломатических отношений между Францией и Выборгом не существует, но есть договор между Французской Гвианой и Выборгом, подписанный в прошлом году, где признается право Выборга иметь территории в Новом Свете. Поэтому господину де Шатье, проживающему на другом острове, вне территории моего удела, не фиг совать свой нос, куда не просят.

– Это заморская территория Франции! – надменно сказал комендант.

– Не заметно, чтобы Франция хоть немного заботилась об этой территории. Если бы не мы, то здесь никого бы не осталось, кроме индейцев. Все жители, как этих островов, так и северной части острова Кейп-Бретон, в настоящее время проживают в Нововыборге, где есть нормальные условия для этого. Мы пришли сюда, когда ни одного человека на этой территории не было. Владельца островов и его жену мы вылечили от болезни, нисколько не ущемив его прав на эти места. Остров был необитаем, даже индейцы отсюда ушли. То, что господин де ла Поп Боулардери более не захотел иметь дела с компанией «100 акционеров», – это вина пресловутой компании. Он предложил выкупить у него патент, чтобы королевство Франции не могло более претендовать на эту территорию. И я согласилась. Я готова оспорить свои права в любом европейском суде, за исключением суда Франции как заинтересованной стороны. Например, в Стокгольме или Риме. Я владею этими землями по праву.

Вот пункт патента.

Я всегда училась хорошо, и мне поставили парижский акцент, причем дворцовый. Такого наезда комендант не ожидал, он отвык разговаривать с дамами высшего света, поэтому спасовал и ушел в сторону от диалога. Я же продолжала над ним издеваться, пока он и его солдаты не повернули обратно в Луисдэл. Теперь их надо будет Федору ждать по весне.

Куда-то запропастился наш переводчик-проводник. Ушел еще летом, и до сих пор его нет. С крейсером я отправила шифрограмму Усселинксу об этом. Мы продолжали строительство со льда причалов, перед закрытием навигации отправили в Выборг немного, тысячу восемьсот тонн, руды на зашедшей «Азухе». Перед этим отгрузили рыбу и дары леса. Две «Буки»! Хороший урожай. Нам привезли муку, овощи, картофель, масло, несколько коров и бычков. Сенокос здесь много лучше, чем в Выборге, но вот зима… Зима была со штормами и метелями, бухту забило льдом, но причалы выдержали. Начали отсыпать два волнолома. А в нерест сельди наблюдала такую невероятную картину: две недели подряд во время прилива поднималась волна из спермы самцов селедки! Два метра высотой шапка! А вслед за этим в Большой пролив вошли кормиться полосатики. Незабываемое зрелище! И пусть оно длится вечно! Это – праздник жизни.

Зимой начали работать домницы, и скопилось более пятнадцати тысяч тонн крицы, которую мы хранили на складах на трех причалах. Два были на озере и один в бухте Нововыборга. Все это предстояло вывезти с острова. Зимой, в перерывах между приливами, обвеховывали фарватер и писали лоцию пролива Большой Брас д’Ор.

Весна здесь бурная и туманная. Вдруг из тумана на острове появляется куча индейцев. В гости пришли. Наше Сухое Ухо у них теперь вождем числится. Вот и корми их всех. Благо, что за зиму не все подъели. Они – вернулись. Они жили здесь долго и счастливо, пока не пришли европейцы, а за теми пришли оспа и грипп. И смерть. Часть из европейцев стали для микмаков родными, потому что приходили они сюда холостыми, женились на здешних красавицах, их дети были более устойчивы к европейским болезням и выживали даже при эпидемиях. Три года назад племя решило покинуть гиблый район. Дичь выбита, рыбаков из Европы не переловить, потому что они с пушками и забирают все. Соль не продают и к соляным промыслам не подпускают. Пороха на несколько выстрелов, свинец не добывается. Только то, что взял с мертвого француза или

англичанина. Французы попроще, а англичане понимали только выстрел в упор. Микмаки покинули сначала Ньюфаундленд, а затем решили оставить и Бретон, Землю туманов. Ушли на запад и пытались отвоевать немного земли у ирокезов, еще их называли мохавками. Белые давали за убитого ирокеза порох и свинец. Англичане дружили с ирокезами, а французы – с остальными. Шансов выжить… Ну, сами посчитайте. В этот момент возвращается сын верховного касика племени Сухое Ухо. Ему когда-то досталось палицей мохаука по верхней части левого уха, оно скукожилось и было бесформенным – отсюда и кличка. Он пропал почти пять лет назад и вот вернулся. Шесть долгих месяцев он рассказывал о том, где он был и что требуется сделать. Затем пришлось драться с Оммамагиком, двоюродным братом, который стал вождем племени Unama’kik, и убить его. Лишь после этого племя решилось вернуться домой на озеро Брас д’Ор. Кстати, это не «бюстгальтер», а «вздымающаяся грудь» – из-за приливов. Просто не совсем правильно перевели.

Началась весна, и первыми пришли две «Буки» от Стрешнева с аммонийной селитрой. Нам просто требовалось, а природа настоятельно верещала раскислить поля. Всходы на полях были совсем плохими. Вода здесь кислая, почва тоже. В общем, не растет здесь нормально ничего. И почвы тонюсенькие, меньше двух дециметров. Кстати, и взрывчатка была нужна, так что почти подарок. Взамен они просили поставить хвойную древесину в бревне и в пиломатериалах, им для рыбацких баркасов нужно. И необходимо поставить до их зимы. Вообще-то, у нас хвойник хуже, чем в Карелии. Но доставка быстрее. Буквально по пятам пришел парусник из Выборга, куда мы отгрузили уже крицу, которой за зиму накопили больше пятнадцати тысяч тонн. Конечно, из домниц. Но руда здесь богатая, и серы практически нет. Почти химически чистое железо.

Только отгрузили и ушел третий корабль, как появились французы. Здрасьте! Вот только они не учли, что у меня есть Федор с его усиленным батальоном, и главное, Сухое Ухо принес бумагу, с печатями и приложенными пальцами, что французам действительно продали пятнадцать гектаров земли возле Луисдэла. И всё! А остальное принадлежит Сухому Уху. Все пять островов. Никаких бумаг не было и нет. А я – хороший лайер! Больше всего французов интересовало, где находится крейсер с его скорострельными пушками. А Макаров еще не пришел из Выборга. Сама дура! Крейсер должен был зимовать на острове Бонэйр и доставить оттуда соль и свежие фрукты, а был вынужден уйти в Выборг. А это севернее, и залив и проливы еще не вскрылись. Убедившись, что крейсера нет, французы решили срубить по-быстренькому и свалить. Эскадра разделилась,

транспортники пошли к берегу для высадки десанта, а остальные начали маневры с целью бомбардировки поселения. А мы его специально в глубине Нововыборгского залива поставили. Им требовалось подойти поближе. Сигнальная мачта на Низком мысу подняла «Браво» и «Лиму» – предупреждение об опасности маневра и требование остановиться. Эскадра, особо не задумываясь, дала залп по мачте, развязав руки береговой обороне Федора.

Огонь! Две пушки Лендера открыли огонь по эскадре. Несколько минут она пыталась сохранить строй, затем пылающие корабли начали вываливаться из него. Мест для высадки десанта только два: пляж в устье реки Миры и мелководный песчаный пляж у острова Южная Голова. Было бы наивно даже думать о том, что Федор не подготовил там подарки! Остальные места плотно перекрывались перекрестным огнем артиллерийских дотов и пулеметных дзотов. Французы торопились, поэтому полезли в Индиан-бей, высаживаться на ближайшую песчаную косу в устье небольшой реки Риан. Обсыпанные землей и дерном доты они не заметили. Не строили тогда таких сооружений. Так как у Низкого мыса уже начался бой, гарнизоны двух дотов взяли под обстрел и транспортники. Уцелевшие французы под белыми флагами на нескольких шлюпках добрались до берега, где были пленены. Мы им показали такие зубки! С моря нас не взять.

Федор радовался как ребенок, которому дали поиграть в любимую игрушку, и несколько дней усердно писал Святославу, как он и его батальон встретил врага. Среди пленных уже знакомый нам капитан де Шатье, он ранен, и еще не понятно, выживет или нет.

Кроме него был командующий эскадрой адмирал Луи де Гало де Кастри граф д’Антркасто. Он тоже ранен, но не так тяжело, как Шатье. Его старенький «Couronne», водоизмещением тысяча восемьсот тонн, на который возлагалось столько надежд, горел, адмирал неотрывно смотрел на то, как рушится такелаж. Он с огромным трудом уломал Мазарини попробовать на зуб выборгских на новом месте, и все рухнуло из-за того, что разведка неверно оценила силы противника. К его великому сожалению, в числе пленных оказался и посланный кардиналом нунций и епископ Кольбер, не получивший ни царапинки в бою. К вящему удивлению адмирала, русские не отделили священника от остальных здоровых пленников и содержали всех на огороженной кольями с колючей проволокой территории, внутри которой находился барак с нарами. Для офицеров они выделили другой лагерь, пастор же находился вместе с матросами и солдатами-пехотинцами.

Раненых содержали в лазарете, где кроме французов почти никого не было, только несколько женщин с больными детьми. Лежа на кровати, адмирал с удивлением наблюдал за действиями персонала. Операция по удалению трех осколков прошла безболезненно – прижали к носу и рту мокрую тряпку и на чистейшем французском попросили глубоко дышать. Сознание куда-то провалилось, и очнулся он в этой комнате, которая носит название «палата номер шесть». Его шикарный костюм отсутствовал, вместо него на теле только какие-то непонятные короткие штанишки. Раны перевязаны странной белой тканью, остро пахнет незнакомыми веществами. Командует здесь женщина, которая, оказывается, еще и губернатор этого города. Она, как все в лечебнице, ходит в белом халате с чепчиком на голове. Никаких кровопусканий не делают, иногда протыкают кожу на «почетном месте» и вводят какую-то жидкость. Первые несколько дней его рука была привязана, и в вену вводили сначала явно кровь, а затем прозрачную жидкость, от которой по телу расплывалось тепло. Через семь дней та же женщина, ее зовут Анастасия Гавриловна, на перевязке удалила нитки, которыми была зашита одна из больших ран. Удовлетворенно кивнув, она что-то сказала второй женщине и добавила по-французски:

– Воспаление удалось остановить, вы идете на поправку.

Через две недели граф начал ходить и ругаться, что приходится носить какой-то халат, в каких ходят все. Быть наравне с остальными ему не нравилось. Дежурная сестра пояснила ему, что до выписки из лазарета он не имеет права носить собственную и не стерилизованную одежду.

– И не забывайте, что вы – военнопленный, – напомнила она графу и глазами показала на часового, стоящего у выхода. Граф понял, что что-либо доказывать не имеет смысла.

Девушка говорила с сильным фламандским акцентом.

– Вы из Фландрии?

– Нет, я из Князево, но французский там в школе учила.

– Князево? Где это?

– В Водьской пятине, это удел князя Святослава Первого Выборгского. Мы – князевы люди. И Настасья Гавриловна тоже родилась в Князево и жила у князя в доме.

– Она – дочь князя?

– Нет, но ее выбрали помогать княгине, так и осталась жить с ними, потом они в Выборг переехали, и она с ними. Она и ее муж – старшие в городе. Настасья Гавриловна – губернатор, а Федор Тимофеевич – начальник гарнизона и комендант крепости Нововыборг.

«Крепости! Вот оно что! А сделано так, что ее и не видно! – подумал адмирал. – А мы даже разведку толком не провели. Послали один отряд, который не вернулся, и начали маневры… Как же они так это сделали? И так быстро! Год, даже чуть меньше года назад стало известно, что русские высадились здесь, и уже крепость».

На следующий день его выписали из лазарета и поселили отдельно от остальных, затем вызвали на допрос, или лучше сказать – переговоры. Вело их три человека: сама губернатор, ее муж и начальник контрразведки крепости капитан Головачев. Адмирал ответил почти на все вопросы, но начинать переговоры отказался, ссылаясь на то обстоятельство, что среди пленных он видел епископа Кольбера – официального представителя премьер-министра Франции кардинала Мазарини. Тот имеет или имел соответствующие бумаги на проведение такого рода переговоров с представителями иных государств. Пришлось вызвать пастора из лагеря, а заодно пригласили и Сухое Ухо и двух человек из «старых акадцев» – первопоселенцев, сыновей и внуков прибывших сюда первых французов. Они себя подданными короля Франции давно не считали, и их жутко раздражало вдруг появившееся внимание к этим местам со стороны кардинала Ришелье и короля Франции. С нашим появлением на острове акадцы связывали надежду избавиться от налогов со стороны Франции. Узнав о том, что здесь налоги ниже и нет церковного давления и десятины, эти, в общем, атеисты или язычники сами потянулись сюда. Кто на заработки, кто насовсем.

Моя политика на переговорах строилась именно на противоречиях между продекларированной вначале свободой и равенством и тем рабством и унижением, которым подверглось местное население теперь, вместе с попыткой старых властей перенести сюда все то, от чего уехали люди.

Пастор сразу же завопил о церкви, которую необходимо построить для пленных.

– А мы тебя сюда звали? – грубовато спросил Федор. – Сейчас отведу в сторонку, и пойдешь беседовать с богом без всякой церкви. У себя дома будешь командовать, что там строить, а что нет. Не лезь в чужой монастырь со своим уставом. Иначе закую в кандалы и на карьер до конца твоей поганой жизни отправлю.

– Господин епископ, умерьте свой пыл и не забывайте о том положении, в котором мы находимся. Мы – военнопленные. И относятся к нам цивилизованно. Всем раненым оказана врачебная помощь. Голодом никто никого не морит, я узнавал. Так что остановитесь в своих требованиях. Это я попросил пригласить вас на переговоры, потому что вы являетесь представителем короля и его правительства в Квебеке. И это вы настаивали на том, что поселение должно быть стерто с лица земли, – неожиданно заговорил граф д’Антркасто, решив таким образом подставить любимца кардинала и обелить самого себя.

– В таком случае, если я нахожусь на переговорах, по какому праву здесь построено и существует поселение? Это – территория королевства Франции. Ее величество королева Анна такого разрешения не давала!

– Я купила эту землю у ее законного владельца. Вот патент, в нем написано, что король Людовик XIII, отец нынешнего короля Франции, передает эту землю в вечное владение господину де ла Поп Боулардери, акционеру компании «100 акционеров». Произошло это в 1615 году. Тридцать два года спустя компания оставила господина Боулардери у разбитого корыта, не выполнив своих обязательств по снабжению колонии. В результате у него умерли наследники, исчезли в недрах компании все деньги, он находился в умирающем состоянии, как и его жена. Мы их спасли, вылечили и выходили, и он дал разрешение оставаться на этом и соседнем острове, а затем продал мне их. Вот сидит господин Боулардери, который может подтвердить мои слова. А вот – купчая на это имущество. Вы напали на мою собственность, господин епископ, даже не удосужившись вступить в переговоры. Хотя вам было прекрасно известно об этом обстоятельстве. В январе этого года здесь находился с визитом комендант форта Луисдэл капитан де Шатье. Он эти бумаги видел, не нашел во французских законах прямого указания, запрещающего продажу этих земель представителю другого государства. В патенте земля передана лично владельцу патента, и тот, находясь в своем уме и в праве, стоя на своей земле, продал ее

мне. Но это еще не все, господин епископ, фактически король продал ему патент на землю, принадлежащую не ему. Вот сидит законный наследный владелец этих земель – господин Oreille S?che, у него есть документ, ограничивающий собственность короля Франции на этих островах цифрой в 43,8 арпана. Это та площадь, которую купили у настоящего владельца этих мест. Сейчас там стоит форт Луисдэл. Вот эта купчая, племя Унама’Кик сохранило этот документ. Всю остальную территорию племя никому не продавало. У меня, как представителя княжества Выборгского, было право провести с племенем переговоры и вступить с ним в военный и экономический союз. Этот договор составлен и отправлен на подпись князю Выборгскому. Вот договор аренды, по которому все земли и воды, которыми владеет племя, переданы нам в аренду сроком на двести лет. В нем признается право первообладателя на проживание на этой территории, а княжество Выборгское обеспечивает оборону, бесплатное образование, бесплатную медицинскую помощь, пенсионное обеспечение по старости и инвалидности всем членам племени Унама’Кик, их участие в экономическом и политическом развитии данной территории. Договор составлен на трех языках: русском, лнуисимк и французском. В том, что князь Святослав подпишет его, у меня никаких сомнений нет.

– У дикарей есть письменность? – прозвучал вопрос епископа.

– Кто здесь больший дикарь, еще предстоит выяснить! – ответил на французском Сухое Ухо. – У нас была письменность задолго до прихода европейцев.

– Вы не беспокойтесь, у господина Oreille S?che высшее университетское образование и диплом Выборгского университета по геологии, – громом прозвучало заявление капитана Головачева. Усселинкс даром времени не терял!

– Так как вы напали на меня без объявления войны и проиграли ее, то я как законный совладелец этих земель объявляю о невозможности нахождения форта Луисдэл в моих владениях. Если население и гарнизон не покинет эту территорию в течение четырнадцати суток, я оставляю за собой право решать их судьбу. Горе побежденным! Все острова архипелага до пролива Кансо принадлежат племени Унама’Кик и находятся под совместным управлением княжества Выборгского и совета племени. Граница на юге отныне проходит по середине пролива Кансо, – заявила мадам Лисина.

Форт Луисдэл практически не замерзал, максимум на один-два месяца в году. Лед образовывался только во внутренней бухте Сил, из других мест его

постоянно выносило в океан. Иметь такой портик ой как не мешало! Прикрытый островом Аричат почти от всех ветров и штормов, он предоставлял отличное место для строительства основного порта, пока князь, как обещал, не построит ледокол.

Пастора с ультиматумом отправили в тот же день на коче в форт Луисдэл. Время пошло. Через наделю появился Макаров на своем «Т-105», вместе с ним пришел еще один крейсер и два судна проекта «Веди», предназначенные для перевозки крицы. Они больше, чем «Буки», у них шесть мачт, есть двигатель, чтобы безопасно ходить узкостями с сильным течением, и гирокомпас, из-за того что груз магнитный. Они неплохо вооружены: четыре башни от «ПТ-76». Корпус металлический, усиленного ледового класса. Правда, самостоятельно они вряд ли смогут ходить во льду: машина слабовата, это князь готовится к тому, что у нас будет ледокол. Один из них назван «Нововыборг», а второй носит название «Анастасия». Так тепло стало на душе, когда увидела. Значит… ой, не надо об этом.

Вернулся коч от Луисбурга, теперь отсчитываем дни, а Федор своих пехотинцев готовит к десантной операции. Война продолжается! Пастор оказался полным дубом, он решил защищать Луисдэл до последнего француза. У Сухого Уха потери, его разведчики не совсем аккуратно сработали, и часть из них убита, а часть попала в плен, где их сожгли на кострах. Они сунулись на пирогах в залив Ривьер-Нуа и нарвались на засаду. То есть нас там ждут и за озером наблюдают. От Черной речки до Луисдэла всего двенадцать километров и есть тропа. Местные стратеги решили, что мы действовать будем там. Так как этими ребятами командовал Сухое Ухо, то так и случилось. Руководил французами кто-то опытный и хорошо знавший местность. Еще до того, как пастора отпустили, охрана карьера отбила попытку его захвата. Само озеро делится как бы на две части: Северный и Южный д’Ор, которые соединяются через узкий пролив Барра. Там французы попытались создать наблюдательные пункты и установить два орудия, которые, само собой, пополнили нашу коллекцию. Но южнее на побережье существовали французские поселения, и оттуда противник наблюдал за проливом. Скрытно подойти было невозможно, на чем и попались разведчики Сухого Уха.

Макаров разделил эскадру: «Анастасия» и бронекатер вошли через Большой Брас д’Ор в Северное озеро, а два крейсера и «Нововыборг» пошли в обход островов к Луисдэлу. Проблема заключалась в следующем: форт капитально

закрыт островами, и северо-восточный пролив – мелководный, с большими песчаными банками. Эти банки имеют дурную привычку кочевать. Карты пролива Филиппа у нас не были откорректированы. Кроме маленького коча, там никто не ходил. Западный проход Леннокса глубокий, но узкий. На острове Аричат уже есть фортик, собственно он был первым в этих местах и назывался в те годы Иль-Рояль. Но место было неудачным, большая кочующая мель довольно быстро почти перегородила проход во внутреннюю гавань, и порт захирел. Кроме небольших корабликов туда никто не входил. В основном это место использовали для отстоя судов во время штормов, которые здесь сильные. Если на обоих берегах пролива поставить орудия, то залив перекрыть возможно. Они ничего не смогут сделать с корпусом кораблей, но могут повредить рангоут. Плюс у крицевозов рубка не бронирована, поэтому лучше не рисковать. Так получилось, что орудия крейсеров были менее дальнобойными, чем Д-56, которые были установлены на новых «Веди».

В общем, форт был взят в морскую осаду. Со всех сторон пройти туда было невозможно. А адмирал рассказал, что там сейчас находится почти шесть тысяч солдат королевской морской пехоты. А их же кормить надо! Но все запасы утопли вместе с корабликами.

Бронекатер взял на буксир «Анастасию» и ночью провел ее через пролив Барра в Южное озеро. Канал де Сент-Пьер в те годы был узкой рекой-проливом, практически несудоходным, лишь в прилив по нему могли проскочить малотоннажные суда. Да и соваться в шхеры залива Барра крупному и слабоуправляемому кораблю-рудовозу было опасно. Пришлось пройти к Ривьер-Нуа и там стать на якоря. По этому звуку французы и узнали, что у них гости. Утром они решили взять на абордаж стоящее неподалеку от берега судно. И познакомились с работой модернизированных башен «ПТ-76». Затем катер с «Т-105» под белым флагом подошел к передовому форту на острове Леннокс, теперь он носит имя Бернт. Он передал мой ультиматум и просьбу – в случае отказа выполнить условия ультиматума, вывести женщин и детей из форта в лес.

С борта «Нововыборга» на песчаную косу в бухте Карибу высадился десант. Разведчики и корректировщики уже были на острове Аричат. В назначенное время флаг спущен не был, и корабли начали пристрелку по входному форту. Дымовые снаряды вызвали недоумение у защитников, но не напугали их. Они не поняли, что это такое и для чего делается. Когда каждый из двух кораблей пристрелялся, пошла серия шрапнелей. «Анастасия» работала по главному

форту, а «Нововыборг» по входному. В западный пролив вошел крейсер «Т-105», подошел на четыре мили к входному форту, предварительно расстреляв две пушечные засады, и дал залп прямой наводкой по деревянным стенам форта. После этого над главным фортом взвился белый флаг. Епископу в этот раз не повезло, он был убит одним из залпов, и после того как погиб заместитель капитана де Шатье лейтенант де Вур, гарнизон сдался.

Но этим все не закончилось! Командования полком, который прибыл из Франции, в форте не было, часть полка находилась в лесу у Черной речки, а вторая часть выступила в поход по Северной дороге к Нововыборгу. Один из батальонов сильно пострадал во время неудачного абордажа «Анастасии», а второй был обнаружен бронекатером на дороге, идущей вдоль берега фьорда, и рассеян. Отлавливать его солдат пришлось две недели.

В лагерях скопилась куча народа. Кстати, поп не дал возможности женщинам и детям покинуть форт, и потери среди них были, правда, не такие большие, как среди солдат, потому что осколочно-фугасными мы не стреляли, только шрапнелью. А там кто не спрятался – я не виновата. Погибшие дети и женщины были в основном на входном форте, и было непонятно: что они там делали. Но факт оставался фактом. А война продолжалась, теперь в виде вылазок с полуострова Нуе-Бертейн, так тогда назывался полуостров Нова Скотия. Они, правда, были очень осторожными и редкими. Потом неожиданно все как обрезало. Ни вылазок, ни попыток разведки.

И в июне с того берега пролива Консо, днем, под белым флагом, подошла большая пирога. Парламентеры сказали, что готовы заключить мир и признать Нововыборг, так как Папа Иннокентий X признал колонию и назвал действия выборгских законными. По папской булле во всех церквах провели молебен в честь Рюрика и Святослава за прошлогоднюю победу на Карибах и над голландскими Свободными Провинциями. Под эту сурдинку и кардинал Мазарини приказал остановить уже проигранную войну. И я объявила амнистию. Всех, кто хотел остаться на островах, ждала присяга, а кто не хотел, того переправили на Нуе-Бертейн. Никакого резона ослаблять и без того подорванное могущество Франции в этом регионе не было. Сейчас на ее труп слетятся грифы и прибегут шакалы. В глубине залива Фанди англичане выстроили форт Чарльз, взять который оказалось не по зубам французам. Оттуда все и начнется. Еще один рассадник – остров Ньюфаундленд, где большая часть уже принадлежит англичанам, и лишь самая западная оконечность еще в руках у квебекцев. Акадия свою часть Ньюфаундленда уже потеряла. Этот вариант был

предусмотрен планом, и мы не настаивали на том, чтобы люди уходили к нам. Остались только те, кто принял такое решение самостоятельно. План не предусматривал создания «выселок» и «китайских кварталов». Франкоязычные поселенцы селились на тех же улицах, что и русские. Индейцы пока построили всего два дома: в одном жил Сухое Ухо и его три жены, а в другом происходили заседания совета племени. Заседать у костра вождь не стал.

Начало нереста сельди совпало с обострением между нами и англичанами с Ньюфаундленда. Не ходившие к форту Дофина ранее, англичане прислали целую флотилию мелких рыболовных суденышек, явно с целью обострить отношения. Два наших моторных катера в рупор уговаривали рыбаков прекратить незаконный промысел. Нас не понимали. «Speak English, please!» – кричали в ответ нахалы. Командиру бронекатера надоело, и он поднял «Браво» и брейд-вымпел. Первой же очередью спаренного «корда» он, буквально, разорвал нескольких человек на борту ближайшего баркаса. Оказалось, что все всё сразу поняли, и язык, оказывается, был английским! Но на отходе командир «Свири» досматривал баркасы и конфисковал те из них, которые были с уловом. Их он отбуксировал к Черным Скалам, где расположился досмотровый пункт. Там англичане попытались в ножи захватить и катер, и здание поста. Но были неприятно удивлены скорострельностью личного оружия таможенников и береговой охраны. Их баркасы мы передали индейцам, но те им не понравились, слишком тяжелые. Сами индейцы в море выходят редко, предпочитают рыбачить на озере, в котором тоже много рыбы и выдр. А вот бывшие французы эти кораблики с удовольствием забрали.

По совету Святослава мы попытались развить лов лобстеров, но тут проблема возникла. Их действительно очень много, но хранить было негде, пока не пришел рефрижератор. После этого дело пошло на лад. Очень хорошо покупают в Европе, особенно во Франции, с которой наконец установлены нормальные торговые отношения, и почти семьдесят процентов мороженых лобстеров скупают туда. За лето отправили два корабля. Селедки и трески ловим, конечно, больше, но цена на лобстеров много выше.

«Сельдевая война» на этих мелких эпизодах не закончилась, бронекатеру еще дважды пришлось вести бои против английских кораблей. Лишь потеряв три довольно больших суденышка, они прекратили наведываться к Бретону. Правда, и нерест закончился. В Европе же «сельдевую войну» раздули до небес, дескать, нарушают свободу мореплавания и морского промысла. Но полгода назад был издан «Навигационный акт» Кромвеля, и князю Святославу с легкостью удалось

перевести проблему к ограничительным мерам для развития собственного рыболовства. Кромвелю пришлось заткнуться. До начала зимы больше инцидентов в море не происходило.

Англия признала выборгские территории в Новом Свете законными лишь в середине зимы, когда это стало препятствием для установления дипломатических отношений с Выборгом, и Святослав открыто объявил о том, что в этом случае он начнет препятствовать программе наращивания английского флота, потому что имеющегося у него тоннажа вполне достаточно, чтобы полностью удовлетворить спрос на фрахт в Трансатлантике. Тем более что многие направления стали регулярными для флота. И страховых случаев в Регистре Выборга происходит многократно меньше.

Взяв в аренду порт Вилла-де-ла-Вега и форт Порт-Рояль на острове Сантьяго (Ямайка) и установив там свои порядки, и имея механизированный порт на острове Бонэйр, он начал войну страховых ставок и стоимости фрахта. Большой тоннаж позволял с легкостью обходить прочих на трансатлантических линиях, и тем оставались только каботажные перевозки. А в каботаже много не заработаешь. Во всех более-менее крупных портах были представительства Компанья де Навигасьон де Выборг, и любая крупная партия грузов почти мгновенно оказывалась в трюмах выборгских судов.

Кромвель неудачно выстроил политику наращивания флота, обязав приморские города строить корабли. Они их строили, но оснащение и вооружение английских корабликов и их конструкция были заметно устаревшими. В них запихивали кучу вооружений, они имели малую осадку и высокий надводный борт, то есть были предназначены не для перевозок, а для абордажного боя. Это было наследством голландской школы судостроения. А груза могли перевезти мизерное количество. Собственной судостроительной школы в Англии не имелось. Количественно английский флот рос быстро, а тоннаж набирался с огромным трудом.

А Выборг строил именно океанские корабли, с соответствующей грузовместимостью. Разместить четыре орудийные башни и все остальное место отдать под груз несколько проще, чем напихать семьдесят орудий на двух батарейных палубах, оставив сотню тонн под груз.

Попытка Кромвеля ограничить заходы иностранных кораблей в английские порты привела к сахарному бунту. Цена на сахар в Англии стала значительно выше, чем в соседней Франции и испанских Нидерландах.

К тому же Испания и Выборг провели еще одну операцию по искоренению пиратства, теперь уже в северной части Карибского бассейна в районе Флориды и Лукаянских островов. Чистка оказалась полезной. Более пятидесяти пиратских кораблей обнаружили и уничтожили в районе коралловых островков на выходе из Мексиканского залива. В прошлом году из-за того, что «Т-105» зимовал не на Бонэйре, такую операцию провести не удалось. Теперь же безопасность мореплавания была восстановлена.

Большая часть этих корабликов была свежепостроенными «англичанами». Это был неплохой удар под дых для Кромвеля, и после этого и были установлены дипломатические отношения между нашими странами. Макаров местом стоянки выбрал остров Дивина-Провиденсиа, где была основана военно-морская база. И компании, и ВМФ срочно требовалась дальняя радиосвязь, и удаленный необитаемый атолл с защищенной гаванью как нельзя лучше подходил для этого. Непонятно почему, князь приказал назвать остров и город не по-русски: остров переименовали в Кроншлот, а поселение назвали крепостью Кронштадт.

Андрей Матвеевич Макаров

Я родился в Питкяранте, мой отец был плотником и мастером по кочам и ладьям. Он их и ремонтировал, и сам строил, его ладьи считались лучшими на Ладоге. И однажды в наш дом постучался боярин Леший. Не один, вместе с ним был Порфирий из Пайлаа. Совсем недавно в нашем уделе произошли события, в результате которых сначала шесть крупных деревень, а потом и город Выборг стали принадлежать новому князю Святославу, но в нескольких верстах от нас существовал свейский погост грёнников, в три десятка пикинеров и аркебузников. Питкяранта платила мзду им, так как новый князь других не прислал. Князь приехал на какой-то странной машине, которая бегала сама. На нем и Порфирии были грязно-белые балахоны и странной формы шлемы. У Порфирия за поясом было два шведских пистоля, а у князя за спиной висел замотанный в белую материю какой-то странный пистоль, над которым была еще одна трубка. Потом я узнал, что это бесшумный «Вал». Отец настороженно

отнесся к визиту, пока не узнал, что князю требуется корабел. Но было и условие: работать не здесь, а в Пайлаа. Пообещали хорошие деньги и помощь в переезде и в строительстве дома в Пайлаа. Я уже давно помогал отцу в работе: сначала подай-принеси, потом начал делать шпонки, которыми мы крепили обшивку. Их две: одна толстая, а вторая тонкая, которая крепит первую. Шпонки делались на конус, затем перлом разворачивалось одно отверстие, и в нее вгонялась шпонка на рыбьем клее, затем требовалось более тонким перлом точно пробить обдель и толстую шпонку навылет и закрепить ее уже без клея, чтобы можно было вынуть, и снять прогнившую обшивку. Мне было уже четырнадцать, из них шесть лет я был при отце подмастерьем.

Мы переехали, и нас сразу поселили в свейском доме. Он был каменный, и его строили для свейского попа. Отец снес камин и поставил печь. Несколько дней нас совсем не трогали, сказали, обживайтесь. Затем показали лесопилку. Самая тяжелая работа по изготовлению досок для обшивки исполнялась на четырех станках. Везде были приспособления, которые облегчали и упрощали производство готового продукта. И, главное, я остался без работы! Вся сборка проводилась на металл. Брался пруток, вставлялся в трубу, идущую к станку, а станок продолжал работать. Заготовку захватывал кто-то внутри трубы, и она начинала сама ползти внутрь. Сначала к немного вылезшему кончику подводился какой-то цилиндр, затем сама срабатывала толстенная задвижка, и звучал глухой удар. Задвижка задвигалась обратно, цилиндр уходил чуть в сторону, а заготовка начинала вращаться с небольшой скоростью. С двух сторон к ней прислонялись валки странной формы, и почти готовый саморез, с фиксированной шайбой и отверстием под шестигранник, падал в корзину под станком. И все это быстро-быстро. Только успевай смотреть на счетчик и подставлять новую корзину. Князь увозил эти винты куда-то в малый дом, и возвращались они покрытыми каким-то другим металлом, когда матовым в разводах, когда серым с небольшой радужкой, а когда и блестящие, как полированное серебро.

И ладью он строил необычную. Она могла ходить сама, с помощью винта, против течения и ветра. Князь о металле знал все. Привез интересный инструмент, который крутился, бил, строгал сам, стоило нажать на кнопку. Отца, уже в феврале, назначил мастером, обращался к нему как к барину, по имени-отчеству. Всегда вежливо. Никого никогда не бил, но штрафовал, если провинились, или выгонял с работы.

Через некоторое время и меня перевели со станка в мастерскую, где делались двигатели для тракторов и ладей, слесарем. А весной я попал на сборы, где из нас стали готовить воинов. Учили ходить строем, носить одежду, броню, заправлять койку, бегать по полосе препятствий. Вместе с молодежью вроде меня тут же учились и бывалые воины, которые помогали нам, соплякам, быстрее освоить тот или иной прием. Оружие у всех было шведское. Затем тех, кто учился быстрее и лучше остальных, посадили в ладью и отвезли на остров на полдороге к малому дому князя. Там нас еще раз переучил сам князь, и мы стали ротой разведки. Здесь я и узнал, что за оружие висело за спиной у князя, и сам научился пользоваться таким. Когда князь посчитал, что мы и техника готовы, нас погрузили на шесть ладей и отправили из Пайлаа по Шуе в Онегу, а потом мы спустились на Ладогу. Предстояло освободить полностью Водьскую пятину от свеев. В тот поход мы взяли боем Медведков монастырь, Орешек и Корелу, остальные крепостицы и военные поселения свеев сдались и дали присягу на верность князю. Гвардия больше в Пайлаа не возвращалась. Лишь несколько раз я бывал там в отпуске, когда учился уже в морском кадетском корпусе.

Со временем мастерская в Пайлаа стала больше производить станков для текстильной фабрики, а не ладей, но отец продолжал работать там директором механического завода и был одним из самых уважаемых в городе горожан. Пайлаа стала большим городом – больше Выборга. Только город теперь звался Князево.

Грамоте меня еще отец учил, поэтому я только переучился на новый алфавит, но два года изучал математику и русский язык в вечерней школе при роте. Зимой была война со шведами, и на следующую осень я поступил в кадетский корпус. Перед этим меня перевели из гвардии в пограничную службу, и я получил под свое начало парусно-моторный катер береговой обороны. Ходить на кочах, построенных отцом, я начал с детства, поэтому больших сложностей не возникло. А владение оружием и уход за ним были крепко вбиты в гвардейской роте.

Летом мой катер задержал два шведских корабля, которые попытались войти в Выборгский залив, и я получил офицерское звание лейтенант, хотя только начал обучаться в корпусе. Кроме командования кораблем и учебы меня нагрузили и подготовкой кадетов по нескольким дисциплинам. То, что умел сам, требовалось передать младшим товарищам. Через год, сдав курс сферической геометрии, навигации и парусного дела, был отправлен помощником капитана на барке «Выборг» в рейс в Египет. Перед отправкой князь лично проинструктировал

меня, что я обязан привести корабль домой, если с капитаном что-либо случится. О том, что могло случиться с капитаном, мне тоже сказали. Вместе с нами в рейс шли гвардейцы из нашей роты, которые обеспечивали безопасность, а меня на всякий случай посадили на этот рейс, чтобы подстраховать гвардейцев. Я единственный из самой первой роты стал военным моряком.

Нашим капитаном был пожилой немец Тоомас Мур, он учился в Копенгагене и Лондоне корабельному делу. Ворчливый, вечно всем недовольный, но свое дело знал крепко и очень любил свой «Выборг», хотя «свой» было весьма условным понятием. Корабль принадлежал самому князю, и он был первым его капитаном. Судно было новым, и все только учились управлять им. Неплохо вооруженное, оно никому не уступало в скорости. Я, как уже говорил, был помощником капитана и по боевому расписанию командовал канонирами корабля. Пушки были новыми, перед рейсом всех канониров прогнали через курсы подготовки. У пушек был клиновой затвор и оптический прицел. Снаряд был подкалиберный с отделяющимся поддоном, картуз картонный, в шелковом мешке. Запал был связан с инерционным двигателем, который приводился в действие ногой. Не слишком удобно, иногда приходилось несколько раз нажимать на педаль, чтобы произвести выстрел. Уже позже на такие орудия поставили топливный элемент, и зажигание перестало капризничать. Но в первом же бою с пятью галерами недалеко от арабского города Гибралтар мои канониры потопили четыре галеры, а гвардейцы взяли на абордаж пятую. Пушки стреляли дымным порохом, и в ходе боя приходилось учитывать то обстоятельство, что некоторое время будет ничего не видно, и ограничивать скорострельность.

По приходе из похода меня снова направили в корпус на учебу, а поход записали как практику. Следующим кораблем для меня стала «Татьяна». Тоже шхуна, тоже без главного двигателя, имела такой же корпус, что и «Выборг», и такой же выдающийся ходок. В штиль умудрялась ловить малейший ветерок и идти. А уж в сильный ветер так просто летела над волнами. У нее было в два раза больше орудий – таких же, как у «Выборга», но имелись вспомогательные двигатели и приборы управления огнем. Я был там и помощником капитана, и командиром БЧ-2 – артиллерийской боевой частью. После нескольких походов по Балтике нас отправили с целым выводком курсантов в кругосветное путешествие. Мы обошли Африку, побывали на острове Маврикий, поставили там подран – это такой камень-заявка, что эта земля принадлежит Выборгу. Оттуда перешли к Австралии, пробежались по тихоокеанским атоллам, зашли в Перу, и там погрузили на борт селитру, за которой, собственно, и ходили, она была целью похода. Затем высадили людей в устье Амазонки и ушли обратно в Выборг, где меня ждали выпускные экзамены. Более чем полугодичное плавание

было очень интересным и насыщенным настоящими открытиями. Один из атоллов в Тихом океане носит теперь мое имя. Его обнаружили и обследовали на моей вахте.

Самое удивительное случилось после прихода домой. «Татьяну» разоружили и отдали в судоходную компанию – такой замечательный и такой быстроходный кораблик. Теперь она будет возить сахар, селитру и каучук. А я, после экзаменов, принял БЧ-2 на «Татьяне Выборгской» и лишь после этого понял, что старая «Татьяна» свое действительно отслужила, хотя как моряку мне было бесконечно жалко с ней расставаться. Но «Татьяна Выборгская» была крейсером и несла броню. У нее было всего девять орудий на каждом борту, зато каких! Двадцать – двадцать пять выстрелов в минуту бездымным порохом. Не требовалось банить орудие после каждых пяти выстрелов. Командир БЧ-2 имел собственный боевой пост, откуда управлял стрельбой обоих плутонгов, и на каждом борту находился еще такой же пост управления на случай выхода из строя главного поста. Корабль был предназначен для боя и стрельбы на большие расстояния.

Полгода мы провели на полигонах, упражняясь в стрельбе с закрытых позиций, потому что все орудия имели угол возвышения больше сорока пяти градусов. Два орудия были калибром 152 миллиметра, картузного заряжания, с тремя зарядами. Предназначены для разрушения фортов. Всю зиму мы, экипажи семи новых крейсеров, хотя три из них еще даже не спущены на воду, занимались в классах и на полигонах. Весной, с увеличенным экипажем, вышли в море и провели целый ряд стрельб, как одиночным кораблем, так и в составе эскадры. К чему-то готовились.

Незадолго до этого я, правда, был в море и лишь потом узнал подробности: наш князь был избран царем московским. Он достал меч Рюрика из тайника в Новгороде и поклялся на нем защищать Русь. Но царем его не посадили. Большинство людей в Води в бога московского не верует. Есть, конечно, и такие, но в основном веруют в старых богов. Так вот патриарх московский отказался исполнять обряд коронования, и Москва осталась без царя.

В то время мы только начали принимать «Татьяну Выборгскую». Пока шла достройка, гвардейский батальон разбил крымчаков на Орели, и назревала большая война с Крымом. Каждые полгода со стапелей сходил новый крейсер типа «Т», у нас уже четыре штуки на плаву, из них три боеготовны. Но зимовать мы остались дома. А у меня тут еще и роман приключился. На Иванов день взяла

меня в оборот красотка. Ребята вытащили развеяться да хороводы поводить на поляне. Весело было, да еще и отвар заставили выпить. Мы прыгали через костер, радовались ушедшему за горизонт солнцу и середине года. А потом меня в лесу поймала она.

– Да ты еще нецелованный, ух ты! – сказала она, оторвавшись от моих губ. И еще крепче впилась в меня, срывая с себя остатки одежды. Потом повозилась с моими ремнями и повалила на землю. А на меня какой-то ступор напал. Сопротивляться не было ни сил, ни желания. Все желание ушло вниз. И, как только влажное и горячее чрево ее опустилось на меня, так это желание фонтаном и ударило.

– Ох, нецелованный, да не спеши ты так. Всю меня залил. Ну-ка, вот так, тихонечко, еще, еще. Глубже, глубже, еще, еще. Ох, ох!

И так до полного моего изнеможения. Даст чуть-чуть отдохнуть, потом расцелует всего и везде, усядется сверху и грудями мне по лицу водить начинает, и все опять повторяется. А ближе к утру прошел угар мухоморный, она оделась и убежала, напоследок шепнув мне на ухо, что теперь я принадлежу ей и она меня найдет. Оказалась боярыней московской, которая пошалить в лес на Иванов день пришла. Бездетная она, боярин богатый да пустой.

А через несколько дней мне в руку какая-то девица сунула записку, там вязью был адрес написан и время. И стали мы с ней ночами темными встречаться. А к осени она написала, что тяжела и все, что нужно, она от меня получила, и перестала появляться. И такая тоска меня одолела, что хоть топись. А тут еще мамка пристала: женись да женись. Не хочу! Эх, в море бы уйти! Прошел месяц, я, после того как она не пришла, еще пару раз заходил на ту квартиру, а потом и прекратил, так опять та же девица записочку принесла: муж о чем-то стал догадываться, и ей пришлось все прекратить, а так любит она и знает, чьего ребеночка под сердцем носит. В общем, не отпустила она меня от себя. А весной ее боярин в поход ушел на Крым. Она уже на сносях, лицо в пятнах, животище огромный, да еще и одежда боярская его увеличивает. Увидела меня на улице, улыбнулась, положив руки на живот, и прошла мимо, так как не одна была.

И тут у нас сплошной аврал начался, срочно достраиваются на плаву «Т-104», «Т-105» и «Т-106». Святослав ушел в Крым, формируются полки морской пехоты, в том числе и гвардейской. Почти непрерывно учения, занимается нами лично княгиня Выборгская, а я ее недолюбливал из-за въедливого характера, она у нас

физику, химию и математику в корпусе читала. У нее странное сочетание красоты и дотошности. Сначала она всем понравилась: и умна, и красива, и фигура точеная, а потом как пошла она с нас три шкуры на экзаменах и зачетах снимать, так хоть волком вой! А тут князь в отъезде и ей поручил большой поход подготовить. А я – старпом на флагмане. Тут она с меня вновь три шкуры и содрала: заставила газовыми горелками пройти по всему борту, затем залакировать борт: проявить рисунок и состарить дуб, – во все щели заглянула, везде заставила навести полнейший порядок. Я думал, что она только меня так гоняет, а оказалось, что всю эскадру. В этой суматохе получил записочку от Анны, что она разрешилась сыном и хочет назвать его Андреем. Сына увидел уже на причале, на отходе в учебный поход всей эскадрой. Нас пришел проводить весь город, пришла и Анна, держа на руках сына. Посмотрел на него в бинокль, но так ничего и не рассмотрел.

Все лето прошло в сплошной нервотрепке, но перед походом на квартире появилась Анна, и мы опять были вместе, правда, всего несколько часов. А через день на борту появились князь, княгиня и двое их детей, и мы вышли в море. Поход оказался особенным: официальный государственный визит в четыре страны: Данию, Испанию, Португалию и в Османскую империю. Много разговоров о Крыме, где завершается операция по его зачистке. Османы взялись вывезти своих за море, Крым взят и присоединен к Выборгу. Неприступный Перекоп пал, причем взял его первый гвардейский полк еще до подхода московского войска. Затем полк осадил и взял столицу Крымского ханства город Бахчисарай и знаменитую горную крепость Кырк-Ерк. Выдолбленную в горе крепость наша рота взяла за семь минут штурма. Я так жалел, что не участвовал!

Князь и княгиня – опытные мореходы, почти постоянно находились наверху. Князь гонял эскадру на сплаванность, выполнение традиционных и торжественных приемов и смотров. Предстояло показать выучку перед королями, у которых сильный и хорошо обученный флот. А одевают и обувают нас фабрики, принадлежащие самой княгине. Поэтому баталеры выдали перед походом новую форму №№ 2, 3 и 4 всем матросам, а офицерам приказано свою форму привести в полный порядок. Мы ж не бедствуем и шьем форму в Выборге у модных портных. Штатную, прямо с фабрики, только некоторые молодые лейтенанты носят. У остальных это почти обязательная процедура: пойти к немцу Шварцвальде и пошить у него все. Как любил говаривать князь: «Флот – дело дорогое и фасонистое!» Пока нас готовили к походу, мы привыкли уже, что княгиня появляется в морской офицерской форме, причем не только в парадной, но и в рабочей. Князь тоже парадной формой особо не щеголял. Он все время в работе, и когда только все успевает? Теперь за ним постоянно хвостиком бегает

княжич Александр, он в кадетской форме, хотя такого младшего класса в корпусе нет. Но княгиня объявила, что такой класс набран, и с этого года в нем начнут обучение шестьдесят мальчиков. Большая часть из них или сироты, или дети моряков.

Она и на флоте, и в княжестве, отвечает за образование и является учредителем и ректором университета Выборга. На флоте у нее тоже есть должность, она – главный инспектор флота по образованию. Все офицеры обязаны вести занятия с матросами, и все матросы должны стать грамотными. Она и устроила проверку сразу по приходе на рейд Валенсии. Там была пауза, король Испании Филипп IV еще не подъехал из столицы, и мы ожидали его, на всех кораблях лично княгиня провела три контрольных занятия: по математике, по русскому языку – диктант и сочинение. И я впервые удостоился ее похвалы и получил золотой ручной хронометр Бреге. А он стоит около пятисот талеров. Царский подарок. И это за то, что по итогам проверки экипаж «Татьяны Выборгской» получил первое место. Княгиня так и сказала:

– Этой наградой я хотела подчеркнуть важность той задачи, которая поставлена перед офицерами флота: обучить как можно большее количество солдат и матросов, чтобы они несли свет просвещения в города и села, в которые вернутся после службы. Обучить их надо правильно и крепко.

На рейде замучили построениями и захождениями. Салютная пушка остыть не успевала. В начале и в конце визита мы давали праздничный салют и фейерверк в честь королей. Во время такого салюта в Чанаккале неудачно стартовавшая ракета ранила командира крейсера «Т-105». Князь на его место сразу назначил меня, присвоив очередное звание старшего лейтенанта.

Принял приказ из рук князя. После сдачи дел лейтенанту Бренгтону, командиру БЧ-2, откозыряв, спускаюсь по трапу на стоящий под бортом командирский катер с «Т-105». Держась за поручень, отдаю честь флагу и князю, пока катер идет вдоль борта флагмана и делает циркуляцию. Затем приветствую уже свой экипаж. Впервые в мой адрес звучит «Захождение» и гремит один выстрел из сигнальной пушки. На борт прибыл новый командир. Принимаю рапорт старпома и крепко жму его руку. Прохожу вдоль строя одетых в белую робу матросов и старшин. Знакомлюсь с офицерами, пожимая каждому из них руку. Каюта уже прибрана, вещи старого командира отправлены на флагман – лежит в лазарете там. Он из Выборга, швед по национальности, один из акционеров судоходной компании Выборга. Нам еще в корпусе говорили, что задачей корпуса является

вырастить собственных командиров кораблей, и я первым из его выпускников получил свой корабль первого ранга. На остальных командуют капитаны выборгских гражданских судов. Нет ни одного русского или води. Только иноземцы. Наша страна лишь поднимает флот, и это – его дебют. Об этом постоянно говорит князь, и о том, что этот дебют должен быть удачным.

Через два дня выбираем якоря, я занимаю свое место в ордере, и перед нами опускают знаменитую «Цепь». Перегороженное много веков Мраморное море, куда кроме византийских и османских кораблей свободно входить не мог ни один корабль, приняло нашу эскадру. Лишь для Генуи и Венеции Константинополь открывал этот путь, но брал за это пошлину. Турки никого не пропускали в их два моря. И наконец, этот путь открыт для нас, и через двое суток мы стали на якоря в Инкерманской бухте. Звучит торжественный салют, ему вторят орудия гвардейского полка, расположившегося на южном берегу бухты. Здесь заложен город со странным названием Севастополь.

Принимаем продовольствие и воду, на борт подсаживается гвардия. Проводили на берег княгиню с детьми и подняли якоря. Уходим, как и пришли, в том же составе, не оставив никого в новом городе. Так как на борту гвардейцы, значит, идем не к теще на блины. Князь куда-то торопится. Еще раз зашли в Валенсию, похоже, начинается какая-то совместная войнушка, потому что и мы, и испанцы поднимали оба флага при встрече. Эскадра вышла в океан и пошла на запад-северо-запад на широте Азорских островов.

Шли быстро, ветер был еще попутный, после Азор легли на новый курс и, несмотря на сменившийся ветер, теперь он дует с запада, поэтому князь и торопился, идем почти семнадцатиузловым ходом в сторону Кубы. Нагнали небольшую и разношерстную эскадру пиратов, и князь поднял брейд-вымпел, означающий атаку. По радио он отдавал команды, перестраивающие нас в боевой строй, мы перерезали курс пиратам и дали два залпа шрапнелью на высоте парусов. Орудия крейсера снабжены следящим устройством, оно удерживает горизонт до определенного угла крена, и на борту имеется успокоитель качки. Поэтому стрелять можно довольно точно и с большого расстояния, так, чтобы орудия противника тебя и достать не могли, но такая стрельба требует очень точного исполнения всех измерений, и ее ведет не сам человек, а вычислительная машина. Называется она СУАО (система управления артиллерийским огнем). В машине несколько полированных цилиндров с дорожками, и она разрешает залп только в случае, если все введенные ограничения совпали. К ней подключены дальномер, гирокомпас, указатели

крена и дифферента и центральный прицел. Мы вели стрельбы с ее помощью, но это были Балтийское и Черное моря. В океане стреляли впервые. Тем не менее, приборы сработали хорошо, а канониры и наводчики не допустили ошибок. Пристрелялись из одного орудия на миделе, а потом дали залп всем бортом на поражение. Пострелять удалось только моему кораблю и флагману. Остальным целей не досталось. Получили благодарность за отличную стрельбу, поднятую на мачте флагмана, и эскадра перестроилась в походный клин.

Лишь на рейде Порт-Рояля нас, командиров кораблей, собрали вместе и объявили о целях и задачах кампании: в союзе с испанским и португальскими флотами очистить Карибский бассейн и Мексиканский залив от пиратов. Не дожидаясь союзников, мы начали операции в Карибском море. Командовал эскадрой лично князь. Операция шла быстро и без потерь, все пираты в это время года приводят в порядок свои корабли и стараются лишний раз не рисковать, так как это сезон ураганов в Карибском море. Мы же, имея две машины и опытного командующего, действовали решительно. Испанцы и португальцы, следуя за нами, активно занимались грабежом на берегу. Гвардейцы же захватили только один остров Доброго Ветра. Очистив побережье от пиратских баз, вошли в устье Амазонки и вывезли оттуда много собранного латекса. С ним и пошли в Европу.

Я шел в сторону дома с уверенностью, что оставшееся время проведу там и смогу встречаться с Анной, но по дороге вновь пришлось обстреливать города, теперь уже голландские, потому что Свободные Провинции Нидерландов объявили Выборгу войну. На суше мы не действовали, отдав все на откуп испанцев и датчан, которые присоединились к «Союзу трех». У Выборга посмотрели со стороны, как наша береговая оборона расправляется с флотом голландцев.

А потом был праздник в Выборге, нас пришел встречать весь город. Пришла и Анна с супругом. Посмотрев на очень довольного и счастливого боярина, как он нежно и бережно относится к ребенку, я понял, что не смогу больше продолжать эти встречи. Кстати, и сама Анна, по-видимому, пришла к такому же мнению, потому что больше я записочек не получал. Время лечит, в том числе и сердечные раны.

Однако сразу после праздника меня вызвал в штаб флота князь и передал пакет с планом создания поселения на севере Америки. Вместо отдыха мы начали грузиться, принимать топливо, воду и продовольствие. Под моим началом три

корабля, и на мне лежит ответственность за всю экспедицию и за ее безопасность в ходе постройки оборонительных сооружений. С началом ледостава мне было предписано направиться к острову Доброго Ветра и сменить там «Т-102».

Главой поселения была назначена «маленькая княжна» – воспитанница князя, с постоянно очень гордо поднятой головой. Почему князь сделал такой выбор, мне было неведомо. Но пообщавшись с Анастасией Гавриловной, я понял, что руководить людьми она умеет, много знает в различных областях и весь план поселения составлен лично ею. Она была замужем, поэтому ее я исключил из списков заранее. Хватит, уже накушался. Тем более что с первопоселенцами шло довольно большое количество женщин и девушек из Выборга, Гельсингфорса и Князево.

Затяжная весна выдала нам встречный шторм на переходе, и пришлось подниматься почти к Исландии, для того чтобы пересечь Гольфстрим. У нас на крейсере еще ничего, тут в основном морская пехота сидит, а на двух «букашках» народ укачался вусмерть. После поворота на юго-запад забрали северный ветерок, и течение стало помогать, но навстречу идут огромные длинные валы, высотой под шесть – десять метров. Кренов не стало почти, но вертикальная качка сильная.

«Маленькая княжна», после выхода в океан, почти неделю не показывалась и в кают-компанию не ходила – укачалась. Когда шторм стал слабее и ветер чуть сбил накат, она появилась, вся зеленая и с кругами под глазами. Не понимает еще, что на ногах качка легче переносится. Мы ее покормили, и она даже управилась со своим желудком. Но сделала правильные выводы из своего состояния и стала часто появляться на мостике.

У Ньюфаундленда видели несколько рыбаков. Скорее всего, англичане или датчане, но флаг они почти никогда не носят. Флаги быстро обтрепливаются, и их поднимают только по требованию. Флаг – штука дорогая. Чтобы не нервировать рыбаков и не раскрывать свое направление, держимся подальше от них, хоть и бесполезно это: такой набор парусов только у нас – так сказать, визитная карточка флота.

У Ньюфаундленда волна подстихла, ветер попутный, и я прибавил парусов. Два «Выборга-Буки», которые шли сзади, ходят под парусом даже быстрее нас, у них винтов нет, поэтому с легкостью держали строй. Я их могу обогнать только на

комбинированном ходу – парус и машины. Но мы же не на гонках, мы на переходе. Поворот, корабль чуть увеличил крен на левый борт, и вода зашумела еще сильнее.

К утру уже были на месте, и я убрал основные паруса, оставил только кливер, сбрасывая ход. Теперь действуем как по учебнику: подход к неизвестному необследованному берегу. Здесь главное – спиной и священным местом чувствовать опасности. Впередсмотрящих загоняю в бочку на фоке, четырех человек к бушприту. В машину даю команду поднять пары. Звучат колокола громкого боя, поднимая всех по боевой тревоге. Корабль готовится к бою. Опускаются ложные батопорты, и вываливаются орудия на батарейной палубе. В походном положении стволы пушек спрятаны в нишах и прикрыты фальшбортом. Как говорит князь: «Дабы не пугать противника заранее, сбежит ведь, подлец!» Давление пара уже в зеленом секторе, и я дал «малый вперед». Скорость корабль почти не изменил, но управляться стал лучше. Глубины пока большие, подходим к траверзу Низкого мыса. Тогда я не знал, что скоро этот мыс станет для нас родным домом. Поворот, и рублю последние кливера. Дальше только под машиной. Впереди две коварные мели. Рваный туман немного мешает рассмотреть окрестности. Здесь вообще очень много туманов.

Одинокий полосатик скользит неподалеку, показывая изогнутый назад плавник. Кружатся чайки. Тишина. Ни одного дымка, и местность кажется вымершей. Прохожу между мелями, и тут все накрывает туманом. Стоп машине, малый назад.

– Отдать якорь!

Загремела цепь в клюзе. Вижу, как боцман закрутил стопора, затем доложил, что под нами шестнадцать метров. Отлично! Разведка готовится на выход, поскрипывают тали шлюпбалок, чуть прошумели выложенные штормтрапы и выстрелы шлюпок. По ним пробегают пехотинцы и по шкентелям с мусингами занимают места в шлюпках. Спущено и два катера. На баке готовят к спуску на воду пограничный бронекатер, весь рейс простоявший там. Я таким командовал под Выборгом. Зашумела паровая лебедка, звучат резкие команды боцмана. Срублены леера, корма катера приподнимается, и он соскальзывает по намасленным подушкам в воду. Вслед за ним за борт уходит конец, которым он принайтовлен к кораблю. Подняв столб воды, катер ныряет в воду и всплывает, пытаясь оборвать конец, но боцман умело травит его через кнехт, одновременно притормаживая тяжеленную «игрушку». Набрасывает еще шлаг и останавливает

бег норовистого скакуна. Затем подбежавшие матросы помогают боцману подтянуть катер к борту. По штормтрапу туда спускаются команда и десант. Все готово.

Но облако тумана еще не кончилось, хоть и поредело. Наконец звучит команда: «Весла! На воду!» Зашумела вода под винтами катеров, один двинулся к песчаному мысу, а второй побежал в восточный залив. К берегу устремилось шесть шлюпок. Канониры и наводчики орудий припали к приборам наблюдения. На мостике все обшаривают глазами окрестности. Анастасия Гавриловна немного нервно покусывает карандаш, которым она делает записи в блокноте. Лицо побелело от напряжения. Обращаю внимание, что она довольно красива и очень аппетитно выглядит. Большая грудь, красиво подчеркнутая платьем, холеные руки с аккуратным маникюром. На плечи накинута отороченная мехом кацавейка, тонкие губы, и брови узкими стрелками обрамляют громадные синие глаза, в которых плещется море и небо. Улыбнувшись собственным мыслям, совсем не соответствующим моменту, отошел чуть в сторонку, чтобы не отвлекаться.

Высадка идет тихо, так что все состоялось, и прав был князь, который говорил, что людей в этой местности скорее всего нет. А мысли? Что мысли, если уже почти год в море и просто хочется прижать к себе и поласкать женщину. Природу не обманешь, а я уже не тот нецелованный мальчик, каким был два года назад.

Людей мы нашли через два дня, но это были больные скелеты с шатающимися окровавленными зубами. Их сразу уложили в лазарет на одном из «Выборгов». Две трети команды приходится выделять на строительство, а остальные несут вахту, наблюдая за обстановкой и поддерживая корабль в боеспособном состоянии. На берегу строим здание экипажа для плавсостава и домик капитана порта, коим в данный момент являюсь я. С удовольствием перебрался туда, чтобы походить по земле и немного изменить обстановку.

Там и познакомился с женщиной, зовут ее Моник Анна Мари де Фриз. Она из Фландрии, восемь лет назад завербовалась работать ткачихой на фабрику в Князево. Говорит, что от отчаяния, так как была беременна от неизвестных английских солдат, которые использовали ее несколько недель подряд всем отрядом, ребенок, правда, уже давно умер, родился слабым и болезненным. Очень любит путешествовать, поэтому, услышав о возможности посетить Новый

Свет, записалась и сюда. Тем более что говорят, что скоро и здесь будет построена такая же фабрика, и у нее есть шанс стать на ней мастером. А пока она работает в офицерской столовой подавальщицей. Она была очень общительной, но как только дело доходило до чего-то большего, то сразу: «Нет, я не хочу, я не буду!» Так продолжалось до двадцать первого июня, и опять на Иванов день уже я ее вытащил на праздник. Там в лесу она и стала моей. Она связала себе венок из каких-то цветочков, надела на распущенные волосы и что-то запела на своем языке. Она была совсем нагая, и я тоже. Мухоморы еще кружили нам голову, и она взяла меня за руку и пошла в воду, не останавливаясь пела свою песенку. Там в воде она и сказала, что злой дух ушел.

– Я видела, как он вылетел из меня, когда я застонала от удовольствия. Я – твоя, и спасибо, что привел меня сюда.

Она была старше меня и довольно на много лет, но нам было все равно. Освободившись от собственных страхов, она стала обычной женщиной. Продолжала жить у себя в общежитии и приходила ко мне, и не только для того, чтобы упасть в постель. Она вела мое нехитрое хозяйство, и я платил ей за эту работу. И когда у нас возникало желание, мы становились любовниками. Ни я, ни она речь о браке не заводили. Воспитанная во Фландрии, она считала меня богачом и дворянином и считала такие отношения нормальными, раз я плачу ей за все. Фаворитка. Она была бережлива, аккуратна и очень неплохо готовила. Очень сожалела, что никак не могла забеременеть. Но это не ставилось во главу угла.

Промелькнуло лето, осенью пришло недовольное письмо от князя, что что-то сделано не так на берегу. Мне было приказано вместо острова Доброго Ветра следовать в Выборг и вывезти паровую машину с острова. Бухта зимой замерзала, поэтому все корабли уходят отсюда или вытаскиваются на берег. Оставлять моторные катера на зимовку князь тоже запретил. С западной стороны существовала возможность перебросить по льдам большой отряд, и существовала вероятность, что противник завладеет свежепостроенной крепостью, если кто-то предаст или потеряет бдительность.

Причалы были полностью готовы. Функционировали мощные краны, мне на палубу погрузили бронекатер и паровую машину, и, дав два коротких и продолжительный, под начавшийся снежный заряд мы вышли из гавани, где провели полгода. Мы торопились проскочить проливами и не застрять в Финской луже. Зимовали в новом порту Высоцк.

Там мне было выделено место под строительство собственного дома. Окна дома выходили на пролив, чуть в стороне был причал лоцманской станции. Перед самым ледоставом из Выборга в Высоцк привели на буксире двух гигантов: это были шестимачтовые рудовозы проекта «Выборг-Веди». Пять гигантских стальных трюмов были почему-то разделены вдоль, и считалось, что трюмов десять. Четыре модернизированные башни с 76-миллиметровыми полуавтоматическими пушками со спаренным крупнокалиберным пулеметом. Почти такие башни стоят на больших бронекатерах, но там меньше угол подъема орудия и малокалиберный пулемет. Здесь башня немного больше, угол подъема до шестидесяти градусов и огромная дальность стрельбы до десяти миль, сто артиллерийских кабельтовых. Правда, центрального поста управления огнем на них не было, это не военный корабль, а рудовоз. У них две такие же машины, как на крейсерах, ход, правда, много ниже, но четырнадцать-шестнадцать узлов обещают давать под парусами.

Князь вызвал к себе, принял и выслушал доклад, сухо поблагодарил за то, что успел выполнить его приказ, объявил благодарность и выписал премию, которую и посоветовал вложить в дом в Высоцке.

– Молодость – это только средство обеспечить себе старость, – улыбнулся он, протягивая мне приказ на премию и распоряжение выделить место под строительство. – «Веди-2» и «4» пойдут с вами обратно в Нововыборг, так что готовьте их экипажи и понаблюдайте за достройкой. К весне ожидается резкое обострение ситуации вокруг колонии, поэтому как только появится возможность уйти туда, Андрей Матвеевич, так сразу и отходите. Есть данные, что о вашем уходе стало известно противнику, во Франции готовится крупная экспедиция против Нововыборга. Чтобы ее сорвать, необходимо скорейшее ваше возвращение туда. К сожалению, руководство колонии допустило ряд больших ошибок и отклонилось от утвержденного плана строительства. «Т-102» я был вынужден снять с дежурства на островах и отправить на бункеровку в Выборг. Карибский бассейн остался неприкрытым, как и канадский, и остается только надеяться на крепость нашей береговой обороны. В планах строительства флота предусматривается строительство основной военно-морской и бункеровочной базы на острове Дивина-Провиденсиа. Оттуда испанцы вывезли все население, и остров пустует уже сотню лет. Ваша задача, капитан-лейтенант, после окончания навигации у Нововыборга, создать поселение, военно-морскую крепость и бункеровочную базу на этом острове. Задача вторая – окончательно выбить пиратов со всех коралловых островов Лукаянского архипелага. Я дал

указание найти оставшихся в живых лукаян и вернуть их на острова. Но основное население должно быть русским. Работа в этом направлении уже проводится. Задача ясна?

– Так точно, ваша светлость.

– Ну, вот и готовься, Андрей, помнишь, как первую ладью делали?

– Конечно, боярин Леший.

– Теперь тебе предстоит сделать то же самое на новом месте. Мне связь нужна. Там будет находиться узел связи флота. Понял?

– Все сделаю, товарищ командующий. Не подведу.

– Ну, ступай!

За этим «ступай» стояло начало большой работы. По правилам необходимо составить проект и утвердить его у князя и княгини. Только после этого начнут выделять средства и необходимые материалы. Каждый момент должен быть прописан. Я пошел в картографическое управление флота и подал заявку на навигационные и физические карты района Лукаянских островов. Обложился ими и испанскими лоциями этого района. Этого не хватило, пришлось заказывать и голландские. Через некоторое время проект сдвинулся с мертвой точки и стал наполняться конкретным содержанием. Встретился с княгиней Татьяной и получил разрешение посетить остров Пиль, где находилась флотская радиостанция, прикрытая тремя фортами пильских батарей новой крепости. Мне предстояло построить такую же. В секретном отделе флота материалы мне предоставили, но требовалось посмотреть на месте – как это сделано. Связью занималась сама княгиня, на ее фабриках выпускалось все оборудование для этого.

Спустя пять месяцев я защищал проект города, который получил от князя имя Кронштадт и Кронштадтская крепость. Князь собственноручно перенес место строительства доков. Проект получил оценку и был принят.

Но весна никак не начиналась, и, несмотря на то что все было готово к отплытию, лед не давал нам возможности сделать это. Зима 1648 года была необычайно жесткой и одной из самых холодных в истории. Лишь девятого мая появились первые трещины, и два портовых буксира начали ломать для нас лед. Одиннадцатого мая тронулись в путь, а уже потом выяснилось, что крепость Нововыборг атаковали с моря, но атака была отражена с большими потерями у неприятеля. Мы же пришли только через две недели после первой атаки. «Веди», которые по уставу судоходной компании имели не номера, а названия – «Анастасия» и «Нововыборг», – легко перенесли переход, весенние шторма и показали неплохую скорость. Однако из-за их размеров им требовались буксиры для подходов к причалам и для работ в узкостях. Два таких буксирчика они несли в своих трюмах.

Трюмы были забиты стройматериалами и оборудованием для карьера. В Нововыборг, по плану, должны были доставить аммонийную селитру – как только бухта освободится ото льда, и все дальнейшие вскрышные работы на карьере должны были вести с помощью аммонита. Об этом неоднократно говорили и князь, и Анастасия Гавриловна.

Мы подошли к Нововыборгу только 27 мая, затратив шестнадцать суток на переход. Я удостоился троекратного поцелуя от Анастасии Гавриловны, которая сказала, что очень-очень ждала прихода крейсера, ну, а когда увидела свое имя на борту рудовоза, так просто прослезилась. Приятный подарок подготовил князь, кстати, в Князево-в-Перу ушли еще два таких же гиганта, названные «Князево-в-Перу» и «Яков Стрешнев».

Мне рассказали о событиях, показали протоколы допроса пленных, и мы начали готовить операцию против французов.

В городе очень многое изменилось за зиму, все переженились, нашелся муж и для Моник, а я через агента в Копенгагене заказал еще по дороге в Выборг мебель красивую в дом и широченную кровать. А дом остался без хозяйки, и кровать стоит холодная.

Пока поставил матроса протапливать дом, который всю зиму стоял нетопленным, а сам с Сухим Ухом на двух пирогах отправился во фьорд смотреть подходы к проливу Барра. Перед этим морские пехотинцы выбили оттуда французов, которые пытались устроить там артиллерийскую засаду. А за несколько дней до этого там погибла разведка Сухого Уха.

Замерили скорость течения в проливе и минимальные глубины на отливе. Корабли здесь пройти могут, хотя место и узковато для рудовозов. Решил не рисковать и проводить «Анастасию» на буксире, чтобы не зависеть от случайности. Собрал капитанов всех кораблей, поставил задачи. Затем все разошлись по кораблям, а я прислал на оба рудовоза своих командиров плутонгов. Руководить стрельбой будут они.

Операция началась. Плохо, что никто не позаботился о лоцманской службе, в прошлом году по южному внутреннему озеру никто не ходил. Карьер находился в Северном д’Ор, а на юг ходить запрещала Анастасия, чтобы не дразнить французов. Поэтому там находилась терра инкогнита, и действовать капитану Ольбредеру придется ощупью и с угрозой потерять судно в этом гиблом месте. Сведения, которые смог предоставить Сухое Ухо, отрывочны и неполны. Индейцев восьмиметровые глубины никаким боком не касались.

«Анастасию» выгрузили полностью, она приняла водный балласт, чтобы стать на ровный киль и заглубить винты, чтобы не шумели, и в таком состоянии Ольбредер повел ее во фьорд. Его сопровождал малый бронекатер и буксир. Большой бронекатер оставался охранять Нововыборгский залив и порт, а остальные суда и корабли я повел вокруг архипелага к форту Луисдэл.

На борту многочисленный десант. Несмотря на мои протесты, Анастасия Гавриловна тоже находилась на борту, в сером платье с белым передником и шапочкой с красным крестом. Кстати, умеет хорошо одеваться и подчеркивать свои прелести. Эх, хороша Маша, но не наша! Рядом крутится ее муж, готовит к выходу свою разведку. С ним мы знакомы еще по службе в гвардии. Хвастунишка он, правда, и никогда не пользовался большим авторитетом в роте, потому что любил подчеркнуть свою особую близость к князю. За это и недолюбливали, а когда он сводил полуроту к Кожозеру, так вообще загордился, старых приятелей и узнавать перестал. Он теперь лейтенант, а мы кто такие?

Рудовозы взяли под обстрел форты, на которые предварительно губернаторша зачем-то парламентеров высылала, хотя и так было понятно, что сдаваться французы не собираются. Место слишком удобное для обороны. И я повел крейсер западным Ленноксом, узким проливом, огороженным с обеих сторон скалами. Понятно, что с обеих сторон должны быть артиллерийские засады. Такие же, как они сделали в проливе Барра. Орудия заряжены, и наблюдатели глядят во все глаза. Разрешил открывать огонь самостоятельно. Грохнуло одно

орудие, затем второе, и послышались разрывы на берегу. Осколочно-фугасными снарядами разбили две позиции. Еще в одном месте один из французов перед разрывом успел выстрелить, но промахнулся. Стрелять по движущейся цели, когда непонятно как долго будет гореть порох на полке… И еще артиллеристов выдавал дым. Им приходится держать возле пушки жаровню, чтобы иметь возможность выстрелить. Так что мы их разнесли задолго до того, как они смогли бы нас обстрелять. Затем я развернулся, погасил ход, и мы дали один залп прямой наводкой по входному форту. После этого на мачте главного форта спустили королевский флаг, а входной форт не подавал признаков жизни. Затем появилась женская фигура и замахала белой тряпкой.

На траверзе форта один из катеров устремился к берегу острова, где стоял разбитый форт. Подходить к причалу Луисдэла я не стал, спустился на катер и вышел на причал. Там меня ждал капрал морской королевской пехоты, весь окровавленный, грязный. Форт горел, и никто его не тушил. Капрал передал мне шпагу лейтенанта де Вур, который исполнял обязанности коменданта. Сам комендант лежал раненым в нашем лазарете. Труба пропела отбой, и из разных щелей и подвалов начали осторожно выбираться люди. Наша морская пехота организовала их на тушение пожаров. У трупов епископа и де Вура с женой ревели две молоденькие девицы-двойняшки. Спросил у капрала, который следовал за мной, несмотря на ранение:

– Кто такие?

– Дочки господина лейтенанта, а это его супруга. Пропадут теперь.

Я сдуру и сказал флаг-адъютанту, чтобы отвел их на катер. Ор еще больше усилился. Особенно когда убитых потащили по земле ко рву. Мертвых было слишком много, чтобы копать отдельные могилы.

Морпехи ушли вперед в лес, а я же вернулся на борт. Вначале отправил девиц в лазарет, судовой врач после осмотра сказал, что обе девушки вшивые, и похоже, что никогда не мылись! Вшивые парики полетели за борт, девиц повели мыться. Опять ор, им, понимаешь, вера запрещала это делать. Оторопев от таких заявлений, приказал принести розги. С этими орудиями производства боли девицы оказались хорошо знакомы, поэтому послушно стали стаскивать с себя кучу того, что на них нацепляли. Их одежду отправили прожариваться, а девиц – мыться с дегтярным мылом. Опять ор, выйдите, иначе ничего снимать не станем. А у нас все всегда моются в бане вместе, и мужчины, и женщины. И ничего в

этом зазорного не видят. Стыдно, когда ты грязный и завшивленный. Я им опять погрозил розгами, а потом отпаривал и отмывал этих чумазаек. Грязи на них было – просто жуть! Как можно себя так содержать! Завернул их в простыни и выставил наружу – посадил возле бочонка с холодным квасом, в котором плавали кусочки льда. А сам промыл все после них и тоже попарился. Вот не было печали, купила бабка порося. Пожалел на свою голову. Вышел, а они обе стоят на коленях и сплошные поклоны отбивают, и молятся, просят у бога прощения за то, что смыли с себя благодать, видели голого мужика, и он их мял, тер и чуть ли не блудом заставлял заниматься. Уж лучше бы причесались! Дал им гребешок и чистые робы. Когда причесались, так и на людей стали похожи.

– А теперь – кушать!

В кают-компании их накормили. Выглядели они немного смешно в матросской робе и очень много говорили, а потом вспомнили, что остались сиротами, и опять заревели. Я отвел их в свободную каюту и уложил спать.

Еще сутки стояли у форта, их одежду выстирали и прожарили. Они ее получили и через некоторое время появились возле трапа на мостик.

– Мсье ле капитайн, пувонс нос алле э л’етаж?

Я кивнул, и их каблучки зацокали по трапу. Делают книксены и церемонно представляются. Я ведь так и не спросил, как их зовут. Две мадемуазели, Клодин и Жанетт. Вчера в париках, напомаженные и наштукатуренные, они гораздо старше выглядели. В бане только рассмотрел, что им где-то тринадцать-четырнадцать лет. Они говорят, что уже пятнадцать и они конфирмованы. То есть считаются на выданье. Из того, что щебечут, понял, что хотят на берег вернуться, чтобы из дома забрать приданое. Если там хоть что-то осталось. И взглянуть, где похоронены родители. Желание законное, но мне сейчас некогда, поэтому послал с ними флаг-адъютанта. Дом их, естественно, ограблен, вернулись они опять зареванные, ничего не нашли. Только на братскую могилу и посмотрели. Затем мы снялись с якоря и ушли в Нововыборг.

Там они поселились у меня в доме. Что с ними делать теперь, ума не приложу. Отправил их в школу, русский язык учить. Никакой специальности у них нет, они – дворянки, и, кроме как быть женами, их ничему не учили. Умеют вышивать и заправлять постель. Правда, в доме стало чисто, убираться они умеют. А вот

питаться ходим на борт. Готовить они обе не умеют. Пришлось найти Моник и попросить ее немного поучить девиц хозяйству. По-русски они еще почти не понимали. Заплатил ей за это. Она улыбнулась и взялась за это дело. Через некоторое время Жанетт впервые приготовила обед в доме.

По сравнению с нашими девицами, они к жизни в этой местности совсем не приспособлены. Зачем сюда ехали? Рассказали, что их отца сюда отправили служить, и все время семья надеялась вернуться во Францию. Здесь они не прижились. Здесь и холодно, и никаких условий. Они обе мне порядком надоели, тем более что заниматься ими времени особо не было. Англичане устроили «сельдевую войну», поэтому, когда наметился отход судна с лобстерами во Францию, а с ней был подписан мир и архипелаг полностью был признан Выборгским, я предложил им обеим пойти на нем домой. Что тут началось! Дескать, поматросил и бросил, ты нас видел голенькими, и уже не один раз, мы навек опозорены, и нас замуж никто не возьмет. Живем во грехе и в церковь не ходим. Ты нас не любишь! Ну, а реально, девушки прекрасно понимали, что со смертью родителей они лишились всего, и во Франции их действительно никто не ждет. Здесь они потихоньку осваиваются, уже и на вечеринки иногда сбегают. В общем, они обиделись и надулись, со мной не разговаривают, судно ушло без них. И как-то вечером они решили разобраться, что есть что и кто есть кто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/naytov_kombat/nad-kanadoy-nebo-sinee

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити